doi.org/10.31912/rjano-2026.1.3

И. Б. ИТКИН

Институт востоковедения РАН
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
ilya.borisovich.itkin@gmail.com

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К ТЕКСТАМ РАНЕЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ*

Статья содержит свод поправок, уточнений и иных комментариев к нескольким десяткам берестяных грамот из Великого Новгорода, Смоленска, Старой Руссы и Твери, а также к найденной в Новгороде в 2024 г. надписи на костяном навершии. В кратком методологическом вступлении обсуждаются вопросы о допустимости чтений, предполагающих наличие в тексте грамоты описок, о целесообразности возвращения к некоторым интерпретациям, предложенным в 1950–1970-е гг. первооткрывателем грамот А. В. Арциховским, а также о важности независимого чтения трудных мест несколькими исследователями. В статье, в частности, показано, что фрагменты грамот № 109, 1047 и 717, посвященные поиску важного для автора человека, обнаруживают в точности одну и ту же коммуникативную структуру; обсуждается новая интерпретация знаменитой словоформы зороѵами из грамоты № 157 (не ‘жерновами’, как предложено А. А. Гиппиусом, а ‘зернами’); для грамоты № 950 восстанавливается ситуация «косвенной просьбы», обращенной не к адресату (вероятно, матери), а через его посредство к третьему лицу (возможно, отцу) — аналогичное построение имеет заключительная часть грамоты № 354. Специально рассматриваются некоторые вопросы структуры адресных формул, ранее не привлекавшие внимания исследователей: имеющийся материал дает основания утверждать, что обращение к адресату по имени-отчеству характерно почти исключительно для челобитных, а именование адресата одновременно по родству и по имени

* Мы выражаем искреннюю благодарность за помощь в работе и многочисленные критические замечания С. В. Бачинскому, А. А. Гиппиусу, Д. С. Крылову (его вклад особенно значителен), С. И. Переверзевой, А. В. Птенцовой, Д. В. Сичинаве, а также всем слушателям двух докладов, прочитанных автором 14 и 28 октября 2025 г. в рамках семинара по истории русского языка и культуры в Институте русского языка имени В. В. Виноградова РАН и в значительной степени посвященных тому же кругу вопросов (для краткости мы далее называем эти два выступления просто «докладом»). Наиболее важные комментарии, высказанные в ходе дискуссии, включены в соответствующие разделы статьи; при этом может использоваться нестандартное сокращение «о. д.» (= «обсуждение доклада»). Кроме того, А. А. Гиппиус и Д. В. Сичинава выступили и в роли рецензентов настоящей статьи; замечания и предложения, высказанные в их рецензиях, приводятся в тексте с пометой «рец.». Автор хотел бы принести отдельную благодарность обоим названным исследователям за возможность цитировать их соображения не анонимно.

(**к бабѣ · к марѣмыѭмѣ**) получает распространение лишь с середины XIV в., при этом термин родства всегда предшествует имени.

Ключевые слова: берестяные грамоты, древнерусский язык, адресные формулы, описки, конъектуры, А. В. Арциховский.

Настоящая работа содержит собрание поправок, уточнений и иных комментариев к некоторым ранее опубликованным берестяным грамотам, не объединенных общей темой. Из недавних исследований в данной области наша статья по жанру и композиции стоит ближе всего к работе [Гиппиус, Сичинава 2021], также опубликованной в журнале «Русский язык в научном освещении».

В своих комментариях мы не ориентируемся на какие-либо конкретные теоретические положения, однако хотели бы предпослать анализу материала грамот несколько соображений методологического характера.

1) В некоторых случаях предлагаемые нами чтения основаны на предположении о наличии в тексте описок. Как известно, в первые десятилетия после открытия берестяных грамот господствовало (в том числе среди лингвистов) представление о них как о нагромождении самых невероятных ошибок и несуразностей. С началом работы над грамотами А. А. Зализняка это представление было справедливо отвергнуто, и по крайней мере с 1990-х гг. на уровне общих деклараций обычным становится противоположное утверждение — о том, что «в грамотах все правильно». Между тем, любой исследователь, работавший со сколь-нибудь представительной выборкой берестяных грамот, знает, что в действительности описок в грамотах достаточно много («настоящих» же ошибок, насколько позволяют судить имеющиеся ныне сведения о древнерусских говорах, напротив, совсем мало). Более того: если начиная с 1980-х гг. стремительный прогресс в изучении палеографии и языка грамот привел к безоговорочной отмене неисчислимого множества мнимых неправильностей, то в последнее время наметилась обратная тенденция — в грамотах, в том числе найденных и изданных достаточно давно, стали «обнаруживаться новые описки». Приведем два примера из работ, написанных буквально несколько месяцев назад и еще даже не опубликованных:

— Д. С. Крылов предлагает рассматривать написание **гришки кожюхє** в грамоте № 141 как результат пропуска слога в сочетании **гришки<нє> кожюхє** [Крылов, Соколов (в печати)];

— С. В. Бачинский правит фразу **вєлишє ми єхатє в го{о}родо** в грамоте № 415 на **вєли <ж>є ми єхатє в го{о}родо** [Бачинский (в печати)].

Не разбирая аргументации, изложенной в этих работах, подчеркнем лишь, что в обоих случаях реально засвидетельствованный текст грамоты не содержит ни невозможных буквенных последовательностей, ни очевидно аномальных словоформ; целесообразность конъектур обосновывается нарушением присущих всему корпусу берестяных грамот закономерностей

достаточно высокого порядка (выражения посессивности в грамоте № 141, коммуникативной организации текста в грамоте № 415). Хотелось бы думать, что предлагаемые нами чтения, основанные на гипотезах об описке, лежат в русле той же тенденции (прежде всего это касается грамот № 395, 705 и 824).

2) Применительно сразу к нескольким грамотам, найденным в 1950–1970-е гг., представляется важным возвращение в научный оборот чтений, предложенных их публикаторами. Первые семь томов «Новгородских грамот на бересте» подготовил к печати (в одиночку или в соавторстве) Артемий Владимирович Арциховский (1902–1978). А. В. Арциховский не был лингвистом и, судя по содержанию и тону некоторых его комментариев, в целом разделял взгляд, согласно которому среди авторов грамот хватало людей, не слишком владеющих письмом[1]. Однако, помимо не подлежащей сомнению эрудиции профессионального историка, первооткрыватель берестяных грамот обладал языковой интуицией и умением обращаться к здравому смыслу. Некоторые из предложенных им решений, ныне незаслуженно забытых, находят себе подтверждение в других древнерусских документах, в том числе в берестяных грамотах, обнаруженных десятилетия спустя.

3) Надежность чтения того или иного трудного фрагмента существенно повышается, если одно и то же решение было независимо предложено двумя (или более) исследователями. В связи с этим важно подчеркнуть, что поддержанные нами интерпретации первоиздателей для грамот № 174, 354 и 373 автор настоящей работы сначала придумал сам и лишь затем нашел их в соответствующих томах НГБ. В свою очередь, мы неоднократно просили коллег высказать суждение о спорных местах ряда грамот, не сообщая заранее своего собственного мнения. Полученные ответы по возможности приведены в тексте работы.

Новгородские грамоты обозначаются просто номером и рассматриваются в порядке возрастания номеров. Грамоты из других городов (Смоленска, Старой Руссы и Твери) приводятся после новгородских; завершает работу краткий комментарий к найденной в Новгороде в 2024 г. надписи на костяном навершии. Для грамот, размещенных на интернет-сайте gramoty.ru, после номера указывается (в заголовках разделов — обязательно, внутри разделов — в случае необходимости) так называемая «условная дата» — интервал в 10, 20 или 25 лет, к которому соответствующий документ может быть отнесен с максимальной вероятностью на основе стратиграфического и внестратиграфического датирования.

[1] Ср., например (о грамоте № 131): «Неуклюжий почерк неумелого писца…», «Она написана малограмотным человеком и едва ли русским; в связи с этим в грамоте много явных искажений» [НГБ III: 68].

№ 4 (1320–1340)

Грамоте № 4 посвящена специальная работа [Сичинава 2017], к которой необходимо добавить также один из подразделов более поздней статьи того же автора [Сичинава 2020: 149] и комментарии А. А. Гиппиуса [НГБ XII: 196].

Приведем текст грамоты целиком с двумя наиболее надежными конъектурами из числа ранее предложенных:

ѿ̃ микит·ѣ · ко цертоу · цто ѥсм·ь · … …
руцилъ оу пѣтрѧ · ѻѧ городищ·ѣ · ѻ…
юрги · бъилъ · въидалъ · со двора·ѻ… …
ѻє оувѣдалсѧ · ѧ мє·ѻє въидалъ … (ρє)
клъ ѥси желєзѻого · по…
рубль взав·ъ · ѧ тъı ѻ… … (ѻѧ олєксѧ)
ѻдр[ѣ] исправи госп…
возми · сапозѣ ·

В первой строке Д. В. Сичинава усматривает глагол *поручитисѧ*, что предполагает конъектуру *цто ѥсмь* (*за юргѧ сѧ по*)*руцилъ* или *цто ѥсмь* (*за юргѧ сѧ быль по*)*руцилъ* [Сичинава 2017: 221]; поскольку при контактном расположении двух энклитик *сѧ* должно предшествовать *ѥсмь*, после **цто ѥсмь** усматривается ритмико-синтаксический барьер. Однако такое положение *сѧ* — не в ваккернагелевской позиции и не в постпозиции к глаголу, а между связкой и *л*-формой — было бы чрезвычайно необычным. На наш взгляд, выход здесь состоит в том, чтобы восстанавливать в тексте грамоты не *поручитисѧ*, а не имеющий показателя возвратности глагол *выручити*. Тесная смысловая связь этих двух глаголов не вызывает сомнений, ср. толкование *выручити* в его юридическом значении в [СлРЯ XI–XVII, 3: 244]: ‘Освободить кого-л., заплатив нужную сумму или дав поручительство’ — и приведенный там же фрагмент документа из архива П. М. Строева (1591): «А всѣ мы, поручники Дмитреевского погоста Кременецкого, выручили есмя… Офоноска Яковлева сына… стати ему за нашею порукою у городового у государева…» и т. д. До недавнего времени глагол *выручити* был в берестяной корреспонденции неизвестен, но это не могло объясняться ничем, кроме случайности; и действительно, этот глагол встретился в найденной в 2022 г. грамоте № 1153. Поскольку придаточное предложение стоит перед главным и описывает событие, хронологически предшествующее событию, описанному в главном предложении и выраженному плюсквамперфектом, кажется более вероятным, что в придаточном предложении также была употреблена сверхсложная форма: *цто ѥсмь* (*быль юргѧ вы*)*руцилъ*.

Во второй строке тот же исследователь колебался между конъектурами *н*(*а томъ мене*) [Сичинава 2017: 223] и *н*(*ынѣ мѧ*) [Сичинава 2020: 149]. Наличие в тексте слова *нынѣ* кажется высоковероятным с учетом наблюдения А. А. Зализняка: «В берестяных грамотах в сложных предложениях,

начинающихся с вводящего тему *что*, главное предложение в большинстве случаев вводится союзом *а* или *и* (изредка *то*) <…>. Там, где союза нет, его роль могут играть указательные наречия: <…> *чо єсте приказали мнѣ свою землю, нонѣ, осподо, подовалъ єси пожни вашимъ здоровьємь* 962» [НГБ XII: 196–197] (подчеркивание в источнике. — *И. И.*). При допущении в первой строке конъектуры *цто єсмь* (*былъ юргѧ вы*)*руцилъ* (и тем более при принятии версии самого Д. В. Сичинавы с глаголом *поручитисѧ*) во второй строке оказывается достаточно места для «комбинированного» чтения типа *н*(*ынѣ мѧ во томъ*), ср. ѻ ⁘ЫНЄ МѦ : ВЪ ТОМЪ : ѦЛѦ КЪ⁘ѦГЪІ⁘И 109 (1100–1120).

Говоря о третьей строке, Д. В. Сичинава несколько раз подчеркивает, что БЪІЛЪ при его реконструкции «не выступает в качестве фразовой энклитики последнего ранга», «стоит не на месте энклитики» [Сичинава 2017: 223, 225]. Основания для такого вывода нам неясны: препозиция БЪІЛЪ по отношению к смысловому глаголу, напротив, свидетельствует в пользу его энклитического статуса — нужно только предположить, что перед подлежащим ЮРГИ имеется ритмико-синтаксический барьер. Однако как раз во фразах с *нынѣ* ритмико-синтаксические барьеры вполне обычны [Зализняк 2008: 98], встречаются и примеры разделения энклитик, сходные с тем, который мы предполагаем для грамоты № 4: ⁘Ы(⁘) ЖЄ // ѻУ ⁘ѻУЖИ СЄИ // БѻЛЄ⁘Ъ ЄСМЬ ВЄЛМИ (Киевская летопись) [Там же: 112], ⁘ЬІ⁘Ѣ ЖЄ // КЛѦТВѻЮ // КЛЄ⁘ѻУ ТИ (С) (Галицкая летопись).

Наконец, Д. В. Сичинава относит реконструированную А. А. Гиппиусом синтагму (⁘Ѧ ѻЛЄКСѦ)⁘ДРѢ к императиву ИСПРѦВИ [Сичинава 2017: 226]. Однако после ИСПРѦВИ почти наверняка идет обращение ГОСП(ѻДИ⁘Є); между тем, как уже более 20 лет назад отметил А. А. Гиппиус, «вокатив в древнерусской фразе чаще всего занимает вторую или первую позицию, но никогда не заканчивает самостоятельной фразы» [Гиппиус 2003: 48][2]. Напротив, предложений, начинающихся с последовательности «императив + обращение», в грамотах насчитывается не менее полутора десятков. Правда, если в первой строке было утрачено 10 букв, то в шестой — максимум 20; втиснуть в такую небольшую лакуну подходящий по смыслу и синтаксису текст трудно, но все же возможно: приемлемой кажется, в частности, реконструкция типа *а ты н*(*иле куны возми на олекса*)*ндрѣ*[3]. Для седьмой строки (лакуна такого же размера) можно предполагать нечто вроде *испра-*

[2] Применительно к древнерусскому языку в целом это наблюдение А. А. Гиппиуса все же не может пониматься как синтаксический закон, однако на материале берестяных писем оно практически не имеет исключений (см. подробнее [Иткин (в печати)]).

[3] А. А. Гиппиус (рец.) предложил вместо условного *н*(*иле*) восстанавливать *н*(*ынѣ*). В берестяных грамотах мы не смогли найти фразы с таким порядком слов, но в других древнерусских памятниках он отмечен — ср., в частности, известный пример из Киевской летописи: ТЫ ⁘ЬІ⁘Ѣ В ѻКСѦМИТѢ СТѻИШИ. ѻ КѦЗЬ ⁘ѦГЪ ЛЄЖИТЬ.

ви госп(*одине во борзѣ да оу савѣ*) *возми сапозѣ*. Заметим, что форма **сапозѣ**, единодушно трактуемая как nominativus pro accusativo [НГБ IX: 125], вообще говоря, может представлять собой и «настоящий» приимперативный номинатив: к давнему примеру *прилбица даи* 383 (1380–1400), уникальность которого естественно способствовала попыткам иной интерпретации [Петрухин 2020], ныне добавился пример *а въспиши ми грамота* 1144 (1160–1180).

Кратко суммируем те наши наблюдения над текстом письма Микиты, которые существенно влияют на его трактовку и представляются нам наиболее обоснованными:

— на стыке первой и второй строк кажется более логичным восстанавливать не глагол *поручитисѧ*, а глагол *выручити*;

— в третьей строке нет необходимости рассматривать форму **бъıлъ** как нарушающую закон Ваккернагеля;

— в седьмой строке между (**нѧ олєксѧ**)**ндрѣ** и **исправи** с высокой вероятностью проходит граница предложений.

№ 18 (1410–1420)

Некоторые затруднения у комментаторов вызывает то обстоятельство, что сочетание …**ви**ᵛ **и бра**ᵀ **ѥго**, предположительно относящееся к авторам грамоты, стоит в именительном падеже (а если предполагать родительный падеж, ожидалось бы *и w̄ бра*^{m} [НГБ X: 83]). С учетом датировки и тематики письма наиболее простое и вероятное, на наш взгляд, объяснение состоит в том, что грамота начиналась с формулы *челом бьют*.

А. А. Гиппиус (рец.) и Д. С. Крылов (личное сообщение) отметили, что другие челобитные, в которых автор (или один из авторов) именовался бы по отчеству, неизвестны. Но, во-первых, грамот, в которых автор называл бы себя по имени-отчеству, вообще очень мало. Если оставить в стороне **поклонъ ѿ юриѧ ѿ жидиловѧ** 1131 (1320–1340) в начале послания-абракадабры, возможно, написанного ребенком, таких адресных формул обнаруживается всего две (обе — в грамотах XV в., практически синхронных грамоте № 18): **приказъ ѿ ѳндрѣѩнѧ миχаїловиᵘ** (sic!) 303 (1420–1430) и **поклонъ ѿ игнатьѧ · и ѿ григорьи ѿ матфѣєви**[цѧ] 464 (1420–1430). Во-вторых, обрывочное …**ви**ᵛ может быть конечной частью не отчества, а, например, катойконима типа *братилович* — ср. именно такой набор компонентов адресной формулы при ином их грамматическом выражении в грамоте № 297 (также 1420–1430): **целобитыє ѿ сергиѧ з братьєи изъ рагуиловѧ**.

№ 56 (1240–1260)

Совсем маленький фрагмент:

…ⷨ[ⷥ :] ⷢⷬⷣⷬⷨⷬⷭ ⷭⷬⷦⷬ(ⷮ) …
… [ⷩⷬⷣ]ⷬⷰⷭⷭⷢⷦ [ⷩ]ⷮⷬⷬ-[ⷮ]…

Согласно [Сичинава 2023: 214–215], остатки предпоследней буквы во второй строке «больше всего <…> напоминают *ш*», что позволяет усматривать в тексте грамоты форму мн. ч. слова **першень* — варианта к *паршень* ‘разновидность кожаной обуви’. Но, во-первых, такой вариант данной лексемы как будто нигде не засвидетельствован. Во-вторых, упоминание рядом частей обуви и обуви как таковой не столь естественно, как полагает исследователь. Нам кажется возможным другое решение. Грамота вовсе не обязательно должна была состоять только из списка вещей: она могла содержать и, например, какие-то распоряжения[4]. О графической системе грамоты по нескольким сохранившимся словам судить невозможно; вполне допустимо предполагать в ней присутствие эффекта *е* → *е*/*ь* (или просто *ь* = *е*). Форма [ⷩⷣ]ⷬⷰⷭⷭⷢ (что бы ни стояло в ней за конечным **-и**) с равным успехом может представлять собой как именительный, так и винительный падеж мн. ч. С учетом всего этого едва ли не более предпочтительной выглядит конъектура [ⷩⷣ]ⷬⷰⷭⷭⷢ [ⷩ]ⷮⷬⷭ[ⷭⷮ](ⷢ) ‘перешей подошвы’; ср. ⷬⷭⷮⷮ ‘обшей’ 809 (1160–1180).

Как отметил Д. В. Сичинава (рец.), А. А. Гиппиус в личной беседе сообщил ему, что еще до выхода статьи [Сичинава 2023] обдумывал вариант [ⷩ]ⷮⷬⷭ[ⷭⷮ](ⷢⷮⷢ) ‘перешитые’; по общей логике этот вариант очень близок предложенному нами.

№ 109 (1100–1120)

Анализ лингвистических особенностей грамоты привел А. А. Зализняка к убедительному предположению о том, что ее автор «был родом из Юго-Западной Руси» [ДНД$_2$: 259]. Основываясь на форме *нынѣка*, встретившейся в жалованной грамоте князя Владислава Опольского Даниле Дажбоговичу (1375), и на украинском диалектном *ниніка*, С. В. Полехов и В. Б. Крысько предложили выделять в тексте грамоты № 109 единую словоформу ⷨⷭⷰⷨⷮⷦⷣ вместо принятого в первоиздании и в последующих публикациях ⷨⷭⷰⷨⷮ ⷦⷣ (наречие + частица) [Полехов, Крысько 2021: 38]. В своем недавнем докладе об истории частицы *-ка* А. В. Циммерлинг высказался в пользу традиционной трактовки [Циммерлинг 2025]. Разделяя точку зрения А. В. Циммерлинга, мы хотели бы несколько дополнить его аргументацию.

[4] Странная последовательность …ⷨ[ⷥ :] (если она вообще прочитана правильно) гипотетически могла бы включать в себя конец словоформы (ⷦⷬⷰ)ⷨ[ⷥ] ‘купи’. О возможном бытовании глагола *крити* в грамотах XIII в. см. ниже в связи с грамотой Смол. 2/3.

Во-первых (что уже отметил А. В. Циммерлинг), слово **нъıнє** встречается в грамоте еще дважды. При этом в двух других случаях за ним следует энклитика структуры *CV*. Решение С. В. Полехова и В. Б. Крысько разрушает эффектный параллелизм (цитируем, заменив деление на строки делением на синтагмы):

а нъıнє ма : въ томъ : ала къназгъıни :
а нъıнє са дроужина : по ма пороучила :
а нъıнє ка : посъли къ томоу : моужєви : грамотоу :

Во-вторых, сочетание «*ныне* + императив» с семантической точки зрения идеально для употребления частицы *ка*. В современном русском языке *-ка* в подавляющем большинстве случаев неотделимо от глагола; хорошо известен вывод Н. В. Перцова о том, что «его поведение — с точки зрения критериев автономности — гораздо ближе к поведению аффиксов, нежели к поведению словоформ» [Перцов 2001: 157]. Тем более замечательно, что даже в текстах XX–XXI вв. обнаруживаются примеры, в которых *-ка* присоединяется к наречию *теперь* (более употребительному синониму *ныне*, ныне имеющего оттенок некоторой книжности), за которым следует императив: ср. *Теперь-ка попробуй запрячь, задержи, запрети!* (В. Ланцберг, «Начать бы все заново…», 1973), *А теперь-ка посмотри — все погасли огоньки* (из детской песенки), а также примеры из Интернета (пунктуационное оформление сохранено): *Не долечили, а теперь ка лечись сам*; *А теперь-ка давайте показывайте все накопленные, начиная с весны* и т. д.

№ 109 (1100–1120), **№ 1047** (1100–1120), также **№ 55** (1300–1320), **№ 782** (1200–1220)

В грамоте № 109 для фразы **посъли къ томоу : моужєви : грамотоу : є ли оу нєго роба :** конкурируют два основных понимания: ‘пошли к тому человеку грамоту: у него ли рабыня?’ и ‘пошли к тому человеку грамоту, если рабыня у него’. Комментарий А. А. Зализняка: «В конце 5-й строки в принципе можно усматривать как *е ли* ‘есть ли’, так и *ели* ‘если’. После находки грамоты № 776, где встретилось *ѣли* (= <*ели*>) ‘если’, второе прочтение, по-видимому, следует признать предпочтительным. Здесь существенно то, что единственный бесспорный пример для ‘есть ли’ имеет вид *ест<ь> ли* (*даи попытаи есте ли Мафеї оу манастыри* 717), а в примерах с бесспорным *е* (скажем, *оце е тобе н*[*е*] *година* 705) это *е* ведет себя как энклитика» [ДНД$_2$: 257].

Однако в 2012 г. была обнаружена грамота № 1047, начало которой выглядит так: + **ѿ дъмъка : къ сновидови попътаи оуєча є ли тоу мои дълъжєникъ** :. С находкой этой грамоты морфологический аргумент, приведенный А. А. Зализняком, теряет силу: поскольку **є ли** здесь безусловно означает ‘есть ли’, а не ‘если’, не остается сомнений, что полноударное **є**

в древненовгородском диалекте существовало. Более того: такое же є ныне усматривается в грамоте № 101 (1340–1360): **є гн**… ‘Есть, господин…’ [Гиппиус, Сичинава 2021: 185–186]. Отметим, что и здесь є стоит перед словоформой, занимающей ваккернагелевскую позицию, — в данном случае не энклитикой, а обращением. Та же тенденция распространяется и на оба примера формы *е*, обнаруживаемые в Синодальном списке Новгородской первой летописи: **рекоша же новгородьци · є ли вина его** · (є в начальной позиции перед **ли**), **о великъ є бра(т)є промъıслъ бжии** · (є перед обращением, на этот раз само в ваккернагелевской позиции).

Правда, грамота № 109 почти наверняка написана не на древненовгородском диалекте (см. об этом непосредственно выше). Однако, как отмечено в [ДНД$_2$: 397], аналогичный пример имеется в «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) по Лаврентьевскому списку: …**старєць**. **ре(у) кѣлєиницу**. **иди впрашаи є ли миχаль в кєльи**.

Фраза **попъıтаи оуієуа є ли тоу мои дълъжєникъ**, в свою очередь, может пониматься двояко. Издатели дают перевод ‘Поищи Уйца: тут ли [этот] мой должник?’, добавляя: «Менее вероятно понимание первой фразы как ‘Спроси Уйца, тут ли мой должник’» [НГБ XII: 148].

На наш взгляд, соотношение вероятностей должно быть признано обратным, даже если рассматривать грамоту № 1047 изолированно. Берестяным письмам (как и вообще любым текстам, не рассчитанным на художественный эффект), как кажется, не свойственно называние одного и того же человека сначала именем, а потом описательным выражением. Напротив, неупоминание имени должника, и так заведомо известного Сновиду и/или Уйцу, может объясняться соображениями конфиденциальности.

Самое же главное заключается в том, что в случае принятия трактовок, которые до настоящего момента считались менее конкурентоспособными, грамоты № 109 и 1047 обнаруживают структурное тождество по семи (!) позициям, шесть из которых с ними разделяют упомянутая А. А. Зализняком грамота № 717 (1160–1180) и образующая к ней точнейшую параллель фраза из ПВЛ:

Автор ~ говорящий (1) просит адресата (2) узнать (3) [у источника информации (4)], находится ли (5) в некотором месте (6) интересующий его персонаж (7).

№	1	2	3	4	5	6	7
109	Жизномир	Микула	**посъли … грамотоу**	«тот муж»	**є ли**	у него	рабыня
1047	Домко	Сновид	**попъıтаи**	Уец	**є ли**	здесь	должник
717	игуменья	Офросения	**попъıтаи**	——	**єстє ли**	в монастыре	Матфей
ПВЛ	старец	келейник	**впрашаи**	——	**є ли**	в келье	Михаль

(Ключевые позиции 3 и 5 для наглядности приведены в оригинальном виде.)

В грамотах № 1047 и 717, где, в отличие от грамоты № 109, речь явно идет о личных расспросах, вдобавок использован один и тот же глагол *попытати*.

Как представляется, выявленный параллелизм может считаться существенным аргументом в пользу переводов ‘пошли к тому человеку грамоту: у него ли рабыня?’ и ‘Спроси Уйца: здесь ли мой должник?’[5].

Для сильно фрагментированной грамоты № 55 (1300–1320), в которой такое же спорное **є ли** опять-таки стоит после слова **грамотꙋ** (**а ко мнє** … **дворнюю грамотꙋ є ли ꙋ тє**[**бє**] (…)), с учетом вышесказанного также выглядит более предпочтительной его трактовка как ‘есть ли’; мыслима, например, реконструкция типа ‘А ко мне, (господин, пошли) дворнюю грамоту: у тебя ли <то-то и то-то>?’ И даже в «жалком обрывочке» № 782 (1200–1220), весь известный нам текст которого составляют три буквы **ємн**…, не кажется невозможным усматривать нестандартного типа владельческий ярлычок: **є ми** … ‘Есть у меня (Х)!’. При обсуждении доклада участники дискуссии единодушно сочли эту гипотезу малоправдоподобной и выдвинутой едва ли не в шутку. Нисколько не настаивая на ее справедливости, отметим лишь, что и для такого сочетания находится параллель: **но нѣколь є мь** ‘да мне некогда’ (Волынская летопись).

№ 157 (1410–1420)

Сохранившийся текст грамоты выглядит так:

г҃ну михаилу юрьєвичю биютъ ꙗломъ хр҃стане
ꙗренщани ꙋо ієси г҃нє велѣлъ намъ перєст(а)вли
ва҇ти дворъ и ключникъ намъ г҃нє велитъ пер(є)[**с**]**та**
(вливати) … …**и г҃нє ли--въı**
… **нє ꙋпра**
…

Перевод А. А. Зализняка: ‘Господину Михаилу Юрьевичу бьют челом крестьяне черенщане. Ты, господин, велел нам переставлять (т. е. ставить заново) двор, а ключник нам, господин, велит переставлять… (вероятно: что-то еще)’ [ДНД$_2$: 666].

Такое понимание, согласно которому ключник не просто позволяет себе игнорировать приказ Михаила Юрьевича, но и, так сказать, пародирует его, представляется нам чересчур сложным. Гораздо естественнее считать, что ключник всего лишь напоминает крестьянам о порученном им деле (‘Что касается того, что ты, господин, велел нам переставлять двор и ключ-

[5] По сообщению П. В. Петрухина (о. д.), он пришел к выводу о предпочтительности отстаиваемой здесь трактовки грамоты № 1047 независимо и отчасти основываясь на тех же параллелях.

ник нам, господин, велит [его] переставлять…’), сами же они по каким-то причинам считают это распоряжение трудновыполнимым.

В четвертой строке утрачено примерно 27 букв, 7 из которых приходятся на глагол **перестављивати**. При этом грамота № 157, судя по всему, относится к числу тех поздних челобитных, авторы которых считали нужным вставлять обращение *(г)осподине* в каждое простое предложение; образцовым примером такого документа может служить грамота № 446 (1380–1400) [Иткин (в печати)]. Перед **гн҃є**, скорее всего, стоит какая-то форма повелительного наклонения. С учетом всех этих соображений пространство для маневра оказывается совсем небольшим. Возможна, например, такая реконструкция:

<…> **и клюуникъ намъ гн҃є велитъ пєр(є)[с]та**
(вливати а намъ гн҃є силы нѣтъ и вел)и гн҃є <…>

Для *а нам, господин, силы нет* ср. … **а намъ ѳспо[д]єнє дать силѣ нѣтъ** . 1155 (1420–1430); **ажє ємоу · будьть · сидить · нам{ам}ъ · сили : ниту · сидити** : 370 (1360–1380). Конечно, мы не утверждаем, что в грамоте № 157 непременно была использована именно эта формула.

Структура начальной фразы в нашей реконструкции (*что P_1 и P_2 — а Q*) для синтаксиса берестяных грамот не уникальна, ср. (с другим вводящим союзом) [є]**же ми отьць даалъ и роди съдаали а то за нимь** 9 (1160–1180).

№ 167 (1380–1400)

уолобитыє · ѿ мєлника · и
з лостьици · к юрью · к оньци
форову · уо би · господинє
[по]пецелилєса · зоронами · а н
нь · посли · свои · уоловєкъ ·

Слово, стоящее после **попєцєлилєса**, читали и как *горюнами* ‘бедняжками (?)’ [НГБ IV: 52–53], и как *чоронами* ‘солеварными котлами (?)’, и как *хоронами* ‘съестными припасами (?)’ [ДНД$_2$: 591–592]. Лишь в 2015 г. А. А. Гиппиус показал, что первая буква этого слова — *з*. Исследователь предложил интерпретировать форму **зоронами** как твор. пад. мн. ч. от диалектного *жьрна* ‘жернов’ с отражением шоканья (смешения *ж* и *з*). По мысли А. А. Гиппиуса, при таком решении «[п]роясняется и бытовая ситуация грамоты: мельник заботится о том, о чем ему и пристало заботиться, — о мельничных жерновах» [НГБ XII: 208–209].

Разумеется, ни в присутствии в тексте грамоты сравнительно редкого диалектизма, ни в его записи с отражением сравнительно редкого фонетического явления нет ничего невозможного. Тем не менее, существует и прочтение, при котором не возникает необходимости ни в одном из этих допущений: при этом прочтении фраза **уо би · господинє попєцелилєса · зоронами** понимается как ‘Позаботился бы ты, господин, о зернах’.

В берестяных грамотах многократно засвидетельствовано слово *вьршь* ‘хлеб в скирдах, зерно’ и уменьшительное от него *вьршьца*, но полная утрата в древненовгородском диалекте лексемы **зьрно*, и поныне, кажется, сохраняющейся во всех славянских языках, совершенно невероятна. Между словами *вьршь* и *зьрно* могло иметься какое-то семантическое различие; в частности, слово *вьршь* как будто бы не встретилось в контекстах, связанных с помолом. Упоминание о зернах в письме мельника ничуть не менее уместно, чем упоминание о жерновах.

Такое решение напрашивается; не случайно в ходе нашего доклада его независимо предложил С. В. Малышев. По сообщению А. А. Гиппиуса, при подготовке XII тома «Новгородских грамот на бересте» он также рассматривал эту версию, но отказался от нее по следующим причинам:

— в собирательном значении ожидалась бы форма ед. ч. *зерном*;

— инновационное окончание *-ами* вместо старого *-ы* у существительных м. и ср. р. становится обычным лишь в более позднее время.

Безусловно, эти аргументы весьма серьезны. В то же время на данный момент оба они, строго говоря, представляют собой не более чем гипотезы. Действительно, слово *вьршь* выступает в берестяных грамотах как singulare tantum; однако знаменитая формула *сѣмена и ѣмена* ‘зерно для посева и зерно для еды’, встретившаяся в грамотах № 556 и 755, наоборот, известна только во мн. ч. (хотя здесь мы точно так же имеем дело с собирательным значением). О том, что в древнерусском языке слово *зьрно* обладало полной числовой парадигмой, свидетельствует пример из Киевской летописи: **слєзъı єго** <…> **ꙗко женуюжнаѧ зєрна**. Надежных примеров форм твор. пад. мн. ч. ср. р. в берестяных грамотах нет [ДНД$_2$: 111]; в других документах XIV в. обнаруживаются по крайней мере два примера с окончанием *-ами*: *с полѧми* в староукраинской грамоте № 31 (1383), *согрѣшениꙗми* в Пандектах Никона Черногорца (по рукописи конца XIV в.) [ИГДРЯ I: 251]. В 2010 г. была найдена берестяная грамота № 1011 (1140–1160), содержащая совершенно невероятные для середины XII в. инновационные формы местн. пад. **на ножѧхо** и **на ожєрьлиѧхо**. На настоящий момент этот пример остается изолированным; тем не менее, он может служить косвенным свидетельством того, что в Новгороде процесс вытеснения окончаний *о*-склонения окончаниями *а*-склонения в формах косвенных падежей мн. ч. проходил даже раньше, чем в других древнерусских землях.

С учетом всего сказанного трактовка формы **зороналми** как ‘зернами’, на наш взгляд, не должна априори отвергаться.

№ 174 (1160–1180)

От грамоты сохранился конец: …**дьє ольнина моа**. Как отметили ее издатели А. В. Арциховский и В. И. Борковский, «[с]лог **дье** может быть окончанием слова “на ладье”» [НГБ IV: 59]. С учетом позднейших находок

более правильным ныне представляется вариант (**въ лѡ)дьє**, но в целом эту конъектуру, не отраженную в [ДНД$_2$], следует признать высоковероятной. О практике перевозки кож ладьями свидетельствует грамота № 1054 (1260–1280): **ꙋ лодиі ·ḗ· берємєнє кожь** <…> **і куровѡ берєма кожь малоє**.

А. А. Гиппиус (рец.) указал, что рассматриваемая конъектура — не единственно возможная: допустим, например, вариант (**ꙋ попѧ)дьє**. Это бесспорно так, но, на наш взгляд, параллель с грамотой № 1054 позволяет предпочесть решение издателей другим версиям.

Предлагаемый перевод: ‘…в ладье (?) моя оленья шкура’.

№ 246 (1025–1050)

В знаменитом, многократно комментировавшемся разными исследователями послании Жировита к Стояну, как кажется, до сих пор не привлекало внимания соотношение двух некруглых чисел: 9 (**то девѧтоє лѣто**) и 4½ (**ѧ нє присълєши ми полоу пѧтъı гривьнъı**). Это соотношение трудно признать случайным: вероятно, Стоян поклялся Жировиту присылать в счет долга по полугривне в год.

№ 354, № 358 (обе — 1340–1360)

Блок 354 + 358 включает в себя два письма посадника Онцифора Лукинича, адресованных его матери. В [ДНД$_2$: 551] отражение фонемы *ѣ* в письмах Онцифора охарактеризовано так: «*ѣ* → *и*/*ѣ* (с господством *и*)». Эту формулировку можно уточнить. В первой фразе грамоты № 358 этимологический **ѣ* оба раза сохранен: **·к· бѣлъ · к тобѣ**. В дальнейшем, однако, писавший отказался от этимологического принципа и стал последовательно передавать **ѣ* через *и*. Как отметил А. А. Гиппиус (рец.), это различие корреспондирует со сменой адресата: начало грамоты обращено к матери, продолжение — к Нестеру. Не исключено даже, что продолжение грамоты (**ѧ тъı нєстєрє** и т. д.) было написано не сразу вслед за первой фразой, а спустя какое-то время; но независимых подтверждений этому мы не нашли. В грамоте № 354 графема *ѣ* полностью отсутствует, на ее месте всегда выступает *и*.

Выражение **до пути** 354 А. А. Зализняк [ДНД$_2$: 550] переводит как ‘до поездки’. Мы считаем необходимым вернуться к переводу А. В. Арциховского [НГБ VI: 47] ‘до зимнего пути’: «путь» здесь явно противопоставлен «отсутствию пути», т. е. распутице, ср. **жже бъıховь домѧ : нъ роспоутиє** 1045. Как справедливо напомнил Д. В. Сичинава (рец.), в грамоте № 724 встретилось выражение **по первомꙋ пꙋти** ‘по первопутку’.

Интересна фраза **ѧ сдисє нє ндиисѧ** 354. На первый взгляд, постановка частицы *сѧ* в постпозицию к глаголу, тем более в грамоте XIV в., не

требует специального обоснования. Однако оборот (*а*) … *сѧ не надѣи* явно представлял собой устойчивую формулу. В берестяных письмах он встретился еще трижды, в том числе в грамоте заметно более позднего времени, и во всех этих случаях *сѧ* предшествует отрицанию:

ѧ сьмѳ сѧ нь ндѣи 943 (1180–1200);
ѧ ѿтосєлє сѧ нє ндєи Ст. Р. 30 (1180–1200);
нѧ перєд[ъ] нѧ мєнє сє нє нѧ[дѣ]и 25 (1400–1410).

Можно думать, что в послании Онцифора Лукинича препятствием для постановки *сѧ* в ваккернагелевскую позицию стал своего рода «морфонологический барьер» — стремление избежать неблагозвучного сочетания **а сдисе сѧ не надии*.

№ 373 (1410–1420)

В [ДНД$_2$: 685] конечная часть грамоты представлена так: (ѧ ниѵ)є ѳ тѳмъ попєцалисє кѧ тѳму би|…; исходя из понимания кѧ как приимперативной частицы, А. А. Зализняк предположил: «*би*|… — может быть, начало от *би*|(*рицю*)» [Там же: 686]. Впоследствии А. А. Зализняк пришел, однако, к выводу, что вместо кѧ следует читать кѧ^{ко}. В случае принятия этой поправки конъектура *би*|(*рицю*) становится синтаксически маловероятной, и в [НГБ XII: 232] она не повторена. По оценке Д. С. Крылова (личное сообщение), это новое чтение нельзя считать надежным; но даже если слог *ко* в грамоте отсутствует, мы видим достаточно оснований вернуться к трактовке, предложенной А. В. Арциховским: «“Ка тому би” — как тому быть (слово “би”, возможно, недописано)» [НГБ VI: 72].

К контексту такое решение подходит очень хорошо: ‘…А теперь позаботься о том, как все должно быть’. Если грамота не заканчивалась третьей из сохранившихся строк, считать форму би(ти) недописанной нет необходимости. Определенную трудность составляет и после ь. Заметим, что буква *ы* в грамоте не встретилась. Написание ниѵнє может отражать огласовку с *и*, но может передавать и <*нынь*>; за написанием куѵни также может стоять как <*кунѣ*>, так и <*куны*>. Тем самым, допустимо предположение, что в грамоте представлен эффект *ы* → *и* (для поздних грамот сравнительно нередкий); не исключено, хотя и не очень вероятно на стыке строк, и простое предвосхищение *и* следующего слога.

Формула *как тому быти* — именно в этом виде или с различными вариациями — неоднократно встречается в старовеликорусской деловой письменности, ср. примеры из НКРЯ:

И Юсуф деи о том присылал к Исмаилю, чтоб он у него был и с ним о том подумал, ***как тому быти****, воевати ли великого князя, с крымским соединячась, или не воевати?* (Посольская книга по связям Московского государства с Ногайской Ордой. Книга 4-я. 1551–1556 гг.);

Азовъ взяли есте безъ нашего царского повелѣнья, а атамановъ и казаковъ добрыхъ къ намъ не прислали, кого подлинно спросить, ***какъ тому впередъ быти*** <…> (Царская грамота донским казакам с выговором за взятие Азова без царского указа и за убиение турецкого посла Фомы Катакузина (1637.09.20)).

Параллельная ей формула *так тому и быть* (с заменой относительного местоимения указательным) сохраняется в русском языке до сих пор.

№ 395 (1260–1280)

«Из грамот, сохранившихся целиком, эта грамота — по-видимому, самая трудная для интерпретации» [НГБ IX: 161]. Оценка, данная А. А. Зализняком, говорит сама за себя; как кажется, трудности, связанные с этим совсем коротким письмом, пока до конца не преодолены.

А. А. Зализняк писал о грамоте № 395 несколько раз. Впервые целостное ее прочтение было предложено им в 1993 г. [Там же: 162]. Позднее, в [ДНД$_2$: 519], исследователь привел заключительную строку грамоты в виде *ѫм*[*у*]*ли исцастабе сюда*, оценив собственную более раннюю интерпретацию как «крайне уязвимую». Наконец, в [НГБ XII: 235] А. А. Зализняк внес буквенную поправку, которую счел достаточной для того, чтобы вернуться к чтению, данному в [НГБ IX]: «[П]од *аб* в слове *табе* обнаруживается <…> полустершееся (тем самым не вполне надежное) *т*, которое, очевидно, должно исправить *табе* на *татбе*; то есть подтверждается предположение В. Л. Янина о том, что *табе* = *татьбѣ*. В целом письмо читается так:

поклоно ѿ григори ко мѧ·
тери ѫдаи л҃ гривно и тѧ
ѫм[у]ли исцѧ с тѧ[т]бє · сюдѧ

Перевод: ‘Поклон от Григория к матери. Дай 30 гривен и тем (*букв.*: так) упроси истца по делу о краже [приехать (вернуться)] сюда’. Заменяя *ѫмули исца татбе* на *ѫмули исца с татбе*, автор, вероятно, имел в виду ‘упроси истца приехать с дела о краже сюда’».

Какие-либо более поздние работы, посвященные интерпретации грамоты 395, нам неизвестны. И все же, на наш взгляд, нынешнее чтение третьей строки нельзя признать полностью убедительным ни с синтаксической, ни с семантической точки зрения. Предикат («≈ приехать») опущен, управление [*приехать*] *с татьбы* вызывает сомнения. По прямому смыслу написанного получается, что Григорий просит мать отдать огромную сумму в 30 гривен только за то, чтобы истец согласился приехать к нему. Как отмечает А. А. Зализняк, «общий смысл записки, по-видимому, состоит в том, что мать Григория должна была дать истцу <…> тридцать гривен и угово-

рить его удовлетвориться этим, т. е. отказаться от иска и вернуться туда, где находится Григорий» [НГБ IX: 162]. Но, во-первых, непонятно, что мешало Григорию выразить этот смысл менее странно. Во-вторых, ему, надо полагать, было бы совершенно все равно, куда отправится истец после отказа от иска. Помимо всего этого, необходимо принять во внимание еще одно обстоятельство: лексема *сюда* (причем в несколько ином морфонологическом оформлении — **сѡудѧ**) отмечена на бересте только в грамоте № 439 (1200–1220), тогда как ее синоним *сѣмо* встретился более 30 раз — с самого начала XII (грамоты № 424 и 736) до начала XV в. (грамоты № 173 и 19). О редкости в древнерусском языке формы *сюда* по сравнению с *сѣмо* писал, публикуя грамоту № 395, уже А. В. Арциховский [НГБ VI: 97].

Наше чтение отличается от чтения А. А. Зализняка лишь в отношении отрезка после **исцѧ**. Мы полагаем, что в письме Григория нет ни слова *татьба*, ни слова *сюда*, а заключительная часть его просьбы выглядит как **ꙗм[у]ли исцѧ ѕтѧ[т] бє сюдѧ**, что в записи без ошибок и исправлений эквивалентно **ꙗмули исцѧ стѧт<и> бє с<у>дѧ** ‘упроси истца решить дело без суда’.

Наличие или отсутствие подписного *т* для выбора между двумя вариантами прочтения роли не играет: при его отсутствии текст в обоих случаях содержит на одну ошибку больше (помимо несомненной перестановки букв в форме **гринвѡ**). В целом же наше решение уступает решению А. А. Зализняка в палеографическом отношении (приходится признать, что автор недописал форму инфинитива и ошибся в обозначении твердости-мягкости; хотя такие написания отмечены в берестяных грамотах неоднократно, это, разумеется, не дает оснований считать их нормой), но существенно выигрывает в синтаксическом, поскольку предполагает обычную и естественную конструкцию «упросить кого-то сделать то-то». Ключевой вопрос заключается в реальности оборота *стати без суда* в значении ‘отказаться от иска, уладить дело миром’. Юридическое значение глагола *стати* хорошо известно; более того, в берестяных документах он только в этом значении и представлен: к четырем примерам, отмеченным в [ДНД$_2$: 802], ныне можно добавить грамоту № 1137 (1400–1410). Практика решения юридических споров «без суда» отражена термином *бессудная грамота*; в небольшом фрагменте № 251 (1380–1400) мы находим и глагол *стати*, и этот термин: <…> **и нє стѧ** [**н**]**ѧ** (**с**)[**у**](**дъ**) … (**грѧ**)**м**$^{\{\text{т}\}}$**оту бєсуднуꙋ ѳєдорцю нѧ н**(**єго**). Правда, бессудная грамота свидетельствовала не о договоренности тяжущихся сторон, достигнутой вовсе без участия суда, а лишь о факте неявки одной из них на заседание. Д. В. Сичинава (рец.) предложил понимать оборот *стати без суда* немного по-другому — как ‘обойтись без суда’. По мнению исследователя, такое понимание «лучше отвечает ситуации и употреблению глагола *стати*», с чем мы готовы согласиться.

Так или иначе, предложенное нами решение остается крайне гипотетичным; мы полагаем необходимым новое обращение специалистов к отчаянному посланию Григория.

№ 424 (1100–1120)

Ранее как будто не привлекало внимания то обстоятельство, что, хотя письмо Гюргия адресовано отцу и матери, в тексте грамоты абсолютно последовательно используется множественное число. Поскольку предполагать утрату двойственного числа в идиолекте новгородца, жившего в начале XII в., невозможно, это означает, что Гюргий имеет в виду не только родителей, но и еще кого-то из членов семьи — вероятнее всего, своих младших братьев или сестер.

Фраза **идитє же сѣмо смольньску ли кыєвоу ли** обычно переводится ‘идите сюда — в Смоленск или в Киев’. Однако Смоленск и Киев расположены достаточно далеко друг от друга, чтобы оба эти города одновременно можно было обозначить местоимением «сюда». Особенно странной такая интерпретация выглядит с учетом того, что чуть ниже Григорий предлагает родителям «прислать грамотку». При этом ни в одном из нескольких десятков случаев, когда автор берестяного письма просит адресата прийти, приехать или прислать что-либо «сюда», такая просьба не сопровождается никакими географическими уточнениями. Очевидно, в подобных ситуациях местонахождение автора полагалось либо априори известным, либо легко выяснимым у посланца, доставившего грамоту, и при этом достаточно постоянным, чтобы соответствующая просьба имела смысл. Мы предлагаем понимать фразу **идитє же сѣмо смольньску ли кыєвоу ли** как ‘идите сюда [= туда, где находится Гюргий], или в Смоленск, или в Киев’.

Д. В. Сичинава (рец.) отметил, что пропуск союза *ли* после первого конъюнкта, предполагаемый при такой интерпретации, для древнерусского синтаксиса крайне необычен. Мы не исключаем, что такое опущение объясняется грамматической разнородностью местоименного наречия *сѣмо* и следующих за ним двух существительных. Кроме того, в рамках берестяного корпуса данный пример не имеет образцов для сравнения: другие контексты, которые требовали бы троекратного повторения *ли*, в грамотах не представлены.

№ 426 (1100–1120)

Совсем маленький «фрагмент неопределенного содержания», с момента публикации в [НГБ VII: 34], насколько нам известно, не привлекавший внимания. Верхняя строка сохранилась в виде …**оньсоупо**(…). Для этой последовательности кажется возможной конъектура (**к**)**оньсоупо**(**нити**); глагольная форма, разумеется, реально могла быть любой.

А. А. Гиппиус и Д. В. Сичинава (рец.) независимо друг от друга указали, что лист бересты прошит по правому полю (в издании данная особенность не отмечена), и расценили это как свидетельство того, что грамота представляла собой, например, левую створку диптиха или страницу берестяной

книжечки, содержавшей какие-то литературные тексты. Оба исследователя предложили видеть в отрезке **соупю**… начало слова *супостат*ъ. Д. В. Сичинава (оговорив, что «[*к*]*онь* и *супонь* тоже приходили рецензенту на ум») назвал и возможный конкретный источник первой строки — книгу пророка Исайи, где дважды встречается сочетание *огнь супостаты* (*и ныне огнь супостаты пояст* Ис. 26:11; *и попалит огнь супостаты* Ис. 64:2). Это решение выглядит чрезвычайно привлекательным. Правда, некоторые сомнения может вызвать написание др.-рус. *огнь* со вставным <ъ> в грамоте рубежа XI–XII вв. Однако в ответ на наш вопрос Дмитрий Владимирович в личной переписке указал на написание [**ѳг**]**ъньнѵєѳ** <*огъньную*> в надписи на так называемом «Суздальском змеевике», предположительно датируемом второй четвертью — серединой XII в.; комментируя эту форму, А. А. Гиппиус и А. А. Зализняк высказываются в пользу того, что «когда-то весьма рано рядом с **ogпь* возник вариант **ogъпь*» [Гиппиус, Зализняк 1998: 555, сн. 9].

Даже если наше чтение (**к**)**онь соупю**(**нити**) должно быть отнесено скорее к разряду берестологических курьезов, оно оказалось полезным как первоначальный импульс, побудивший других исследователей обратиться к этому не лишенному интереса фрагменту.

№ 534 (1380–1400)

…[ъ]**вдну мѣлицю · фєдо**[**р**]
… …[**д**]**лє : і поєхалє · оу городъ**
…[**в**]**днє · приіми : звалє смєнє · ієг**
… · **шлєть · ієго · на воцкую · землю : і тъі ієго · при**
… …**цебє · ієго · нє давді · занъдо · оузати · то**
…**ною ·**

Судя по всему, грамота № 534 была весьма нетривиальной как в содержательном, так и в языковом отношении. Тем более огорчительно, что по крайней мере в нечетных строках обрыв пришелся на наиболее интересные точки.

Некоторую загадку таит в себе уже адресная формула. Обращение по имени-отчеству для конца XIV — первой половины XV в. обычно, но все остальные такие грамоты представляют собой челобитные. Данное ограничение верно даже формально: во всех этих грамотах обнаруживается (не обязательно в составе адресной формулы) та или иная вариация выражения *бить челом*. Поскольку в интересующем нас отношении все эти грамоты однородны, просто перечислим их номера: 15, 94, 157, 297, 300, 301, 306, 307, 308, 310, 311, 313, (?) 352, 362. Грамота № 534 не имеет с челобитными ничего общего ни по содержанию, ни по тону: ее автор в социальном отношении стоит никак не ниже (а скорее выше) адресата. Эта особенность также имеет формальное выражение: в грамотах «типа 15» в роли обращения могут выступать только слова *(г)осподине* или *(г)осподо*, тогда как ав-

тор грамоты № 534 обращается к адресату по имени (…[в]ѧнє). Все адресаты челобитных носят банальные отчества типа *Иванович*, *Михайлович*, *Онцифорович* или *Юрьевич*; антропоним *Мелич*, напротив, уникален. По предположению Е. А. Хелимского [Хелимский 1986: 258], это отчество образовано от древнефинского имени *Mieli* или *Mielo*. Однако сочетание нескольких странностей сразу заставляет предположить, что перед нами вообще не отчество, а, скажем, прозвище.

Нет полной ясности и с именем адресата. Согласно [ДНД$_2$: 630], оно «возможно, имело вид *Ванъ*; но могло быть и более длинное имя на *-ъванъ*». Однако подобрать правдоподобное имя на *-ъванъ*, как кажется, чрезвычайно сложно; даже если каким-то образом допустить, что адресата письма звали *Болван* (из раннедревненовг. **Бълъване*), сохранение ъ перед *в* в тексте конца XIV в. было бы труднообъяснимым.

С учетом параллели в четвертой строке для начала третьей строки очень привлекательной выглядит конъектура (тъı ѥго) [в]ѧнє · приıми. Если эта конъектура верна, грамота содержала уникальный пример сдвига формы обращения на одно слово правее, чем предписывает закон Ваккернагеля, при полноударном местоимении 3-го лица. Все ныне известные надежные случаи использования такой конструкции приходятся на местоимения 1-го или 2-го лица, ср., например: и ключникъ намъ г҃нє̀ велитъ пєр(є)[с]тѧ(вливати) 157 (1410–1420), ѧ ми тоби о҃г҃инє̀ офоносє клѧнѧєсмє 406 (1360–1380) [Иткин (в печати)].

Наконец, в пятой строке имеется необычная последовательность …цєбє. Поскольку в грамоте нет смешения *ь* и *ѣ* с *е*, конечное …*ебе* однозначно указывает на местоименные формы *тебе* или *себе*, а появление *ц*, скорее всего, объясняется простой опиской. Существует, впрочем, и другая возможность: в грамотах XIV–XV вв. несколько раз встретились вполне «современные» написания *ц* на месте сочетания *т*$^{(ʲ)}$+*с*, ср. изгодидцє 281 (1360–1380), грозитьцє 359 (1400–1410), нє угодицє 21 (1410–1420) [ДНД$_2$: 89], а также нє продасци (исправлено из нє продать) Ст. Р. 2 (1410–1420). Не исключено поэтому, что написание цєбє окказионально отражает такую же аффрикативизацию на стыке предлога с местоимением, т. е. в грамоте стояло нечто вроде … (ѿ) цєбє · ѥго · нє давı (детали графического оформления, конечно, могли быть и иными). Согласившись с этой конъектурой, А. А. Гиппиус (рец.) отметил, что распоряжение приıми в таком случае естественно понимать в значении ‘задержи у себя, не отпускай’ (подробное обсуждение близких употреблений глагола *приѧти* см. в [НГБ XII: 260–261]).

№ 611 (1380–1400)

Привлекательная на первый взгляд конъектура (…) пожѧ(ловалъ бъı є)си мє(нє в своє ку)нѣ г҃н(є) …, предложенная для этой грамоты с опо-

рой на грамоту № 949 (1360–1380) в [Сичинава 2023: 222], не соответствует правилам расстановки форм обращения, действующим в текстах берестяных писем (см. выше обсуждение грамоты № 4). Между тем для последовательности «…*н*<*ъ*> + вокатив» есть все основания предполагать присутствие слова *нынъ*, ср.:

ѧ ноно шсп… … мѣ подаитє … 1074 (1380–1400);
ѧ нъіно · гин҃є ѳ{т} томъ пєцалтєсь · 1094 (1380–1400);
ноно шсподино шлєкси·и нє хоцє намъ ржъі дати 310 (1400–1410);
і нѣ гн҃ь · прискоуи ко мнѣ 1137 (1400–1410; согласно [Гиппиус 2022: 9], нѣ здесь вместо ныннѣ с пропуском слога);
нонѣ · ѻсподо подовалъ єси пожни вашимъ здоровьємь 962 (1430–1450).

Для грамоты № 18 (1410–1420) аналогичная конъектура ((*а ны*)*нъ гнѣ буде* ѿ *ва*(*съ*) …) была предложена А. А. Зализняком [НГБ Х: 83].

Ср. также с другим морфологическим оформлением наречия:

ѧ нъінєцѧ господино братє <…> молови емоу 531 (1200–1220);
ѧ нъінєцє ѻсподино наб(олиса п)роци[мь] 372 (1360–1380; уточненное чтение в соответствии с [Сичинава 2023: 216]);
ѧ ноноцє ѻсподин пєцалєсь дѣтьмѣ моими 135 (1380–1400);
… [нъінѣ]цѧ шспо(до к)[ѧ]к[о] пом[ъіш](ла)[є]тє 304 (1420–1430).

Если в шестой строке грамоты действительно было утрачено именно девять букв, одним из возможных решений представляется реконструкция (…) пожѧ(ловалъ бъі і)си мє(нє уимъ ѧ ны)нѣ гн҃(є) ….

№ 691 (1360–1380)

(…)в[ѣк]ѧ в начале первой уцелевшей строки — скорее всего, конец словоформы (уьло)в[ѣк]ѧ.

Начало последней сохранившейся фразы с вероятностью, близкой к стопроцентной, восстанавливается в виде по томо гн҃ь добили і[с](мь уьломо) …; из нескольких значений выражения *добити челомъ* (см. о них [СлРЯ XI–XVII, 4: 255]) для послания крестьян господину лучше всего подходит «добиться чего-либо посредством просьбы». Это вполне согласуется с предположением издателей о том, что «после взятия в первый год податей крестьяне затем добились каких-то льгот» [НГБ IX: 78].

(Графический облик конъектур определяется следующими обстоятельствами: в грамоте представлен последовательный эффект ъ → *о*; с другой стороны, буква є в грамоте не встретилась, а написания пьрвъі и гн҃ь дают основания предполагать наличие также эффекта *е* → *ь*.)

№ 705 (1200–1220)

Центральная часть письма Домажира Якову имеет следующий вид:

а нъıнѣ слъıшю болѣноу сестроу оце ю бо̀ поѣмѣтѣ а присоли сѣно ко монѣ со ѣе знатѣбою отѣ побоудѣ съıно у мѣнѣ а а са и мѣ потѣшоу и посолю ю опатѣ во городо

Принятый перевод: ‘А теперь я слышу (= ты мне сообщил), что сестра больна. Если ее Бог приберет, то пришли сына ко мне с ее “знатьбой”, пусть он побудет у меня за сына и я им утешусь, а потом отошлю ее (“знатьбу”) обратно в город’.

Значение существительного *знатьба* остается не вполне ясным. Наибольшее признание получила выдвинутая в развитие идеи В. Л. Янина гипотеза А. А. Гиппиуса, согласно которой *знатьба* — это ‘завещание’, точнее, ‘долговая запись в функции завещания’ [Гиппиус 2004: 221–222]. Несмотря на развернутую аргументацию А. А. Гиппиуса, такое значение, на наш взгляд, не очень подходит к отраженной в письме ситуации. Домажир сам выделил сестре какое-то имущество и едва ли рассчитывает на ее деньги; а даже будь иначе, прямо писать об этом зятю еще при жизни сестры значило бы выставлять себя в крайне невыгодном свете. Обсуждая возможную кончину сестры, автор письма подчеркнуто сосредоточен на эмоциональной и этической стороне дела. Нам кажется более естественным предполагать для слова *знатьба* значение типа ‘автограф’ (сколь бы осовременивающе ни выглядел такой перевод). Очевидно, полностью убедительное решение этого вопроса недостижимо без новых находок.

Каково бы ни было точное значение слова *знатьба*, не могут не вызывать удивления слова **и посолю ю опатѣ во городо**. Во-первых, совершенно непонятно, почему отправлять «знатьбу» обратно в Новгород нужно именно после того, как Домажир «утешится» пребыванием племянника у себя в доме, и как при этом предполагается поступить с самим племянником. Во-вторых, в берестяных грамотах, кажется, нет других примеров, где местоимение 3-го лица отстояло бы настолько далеко от своего антецедента. На оба эти обстоятельства независимо от нас обратил внимание Д. С. Крылов: «[М]не всегда казалось несколько странным, что “опять в город” посылается “знатьба” (**посолю ю**), а не сын» (электронное письмо от 16.07.2025 г.). Грамота содержит довольно много описок, большинство из которых автор заметил сам, за исключением двух, приходящихся как раз на среднюю часть письма: **сѣно** вместо **с<ъı>но**, **съıно у мѣнѣ** вместо **съıно <о>у мѣнѣ** [ДНД$_2$: 422–423]. Мы предлагаем добавить к этим двум опискам третью и считать, что за написанием **посолю ю** стоит **посолю <и>** ‘отошлю его (= сына)’. Такой тип описки — повторение предшествующей буквы вместо сходной с ней по начертанию — в берестяных грамотах хорошо известен, ср., в частности, **нн умь** (**н<и> умь**) 477, **ала** (**а<л>и**) 723.

№ 719 (1180–1200)

Письмо из двух строк; величина лакун неизвестна:

поклѡнаніє ѿ домѡ… … (**пос**)**ѡдьнику годь ти сьло**
возати ѡ сыно ти м[**ь**]… … (**в**)[**ѣ**]**данiє восоли**

Принятый перевод (некоторые детали опускаем): ‘Поклон от Дома… посаднику. Если тебе угодно взять село (усадьбу), то сына … ({возможно:} пришли) [и] расчет пришли’.

Такая интерпретация грамоты небесспорна. Неясно, кем по статусу мог бы быть человек, предлагающий посаднику «взять усадьбу» и требующий прислать за это расчет. Кроме того, наречие *годѣ* ‘угодно, по нраву’ — элемент книжного языка: оно не только не представлено в других берестяных грамотах, но, как кажется, не встречается и в диалогах светских лиц в летописях.

Мы исходим из того, что получить село должен был не посадник от автора, а автор от посадника, и предлагаем интерпретировать **годь** как относительное местоимение <*годѣ*> (< *къдѣ*), а **ти** — как уточняющую частицу: ‘Насчет того, где взять село (усадьбу)…’. Может показаться, что для грамоты конца XII в., в которой все слабые редуцированные стоят на своих местах, такая интерпретация, предполагающая не только выпадение ъ, но и озвончение *к* перед *д*, невозможна. Однако недавно А. А. Гиппиус, анализируя форму **жицємъ** (< **житьцьмь*) ‘ячменьком’ 1114 (1120–1140) и ряд других примеров из грамот XII в., показал, что именно в тех случаях, когда падение редуцированного вело к изменению получившейся группы согласных, результат этого изменения мог отражаться на письме в документах, в остальном полностью сохраняющих раннедревнерусское состояние [Гиппиус 2020: 24–25]. В 2024 г. гипотеза А. А. Гиппиуса получила замечательное подтверждение: в грамоте № 1205 (2-я пол. XII в.) также на фоне сохранения всех слабых редуцированных встретилось написание **со** [**то**]**цєрию** ‘с дочерью’ [Гиппиус 2025: 28–29]. Это написание в точности параллельно написанию **годь ти** в нашей его интерпретации: в обоих случаях «немой» гласный разбивает невозможный в раннедревнерусском начальный кластер, первый элемент которого в действительности уже подвергся ассимиляции.

Косвенным аргументом в пользу такого понимания отрезка **годь ти** служит хронология: большинство примеров сочетания частицы *ти* с относительными местоименными словами («*к*-словами») приходится именно на вторую половину XII в. Приведем имеющийся материал (сочетание *чьто ти* исключено из рассмотрения, поскольку *чьто* в нем может представлять собой союз; знаком (?) отмечены примеры, в которых возможна интерпретация *ти* как местоимения; примеры с *къдѣ* подчеркнуты): **коликоу ти** … **бєдоу** 1229 (рубеж XI–XII вв.), **кєтъ ти** 891 (1120–1140), **цєго ти** 843 (1140–1160), **кодь ти** 731 (1160–1180), (?) **оу котораго ти сыноу** 798 (1160–1180), (?) **чьѧ ти єсть корова** 8 (1180–1200), **кодь ти**, **како ти** (2х)

502 (1180–1200), (?) **колико ти** … 726 (1180–1200), **къдє ти** 788 (1180–1200), (**кѧ**)[**ко т**]**и** 791 (1180–1200), (?) **къдє ти** 1025 (1180–1120). Как отмечает А. А. Зализняк, «[п]осле XII в. самостоятельное употребление частицы *ти* постепенно угасает» [ДНД$_2$: 197]; однако применительно к сочетаниям с «*к*-словами» в грамотах наблюдается не постепенное угасание, а очень резкий обрыв. Если это не простая случайность, причины такого эффекта пока неясны.

Напротив, слабым местом предлагаемой трактовки является отсутствие в придаточном предложении местоимения 1-го лица. В точности аналогичных примеров мы не нашли, но можно думать, что полной обязательности в употреблении дативного дополнения в таких случаях все же не было.

Для второй строки можно без всякой уверенности предложить конъектуру **ѧ сꙑно ти м**[**ь**](**ньшии**)… ‘…сына-то младшего (пришли?)…’.

№ 749 (1380–1400)

Для начала второй строки срединной части возможна (не слишком надежная) конъектура (**ѧ вы сѧ нє гнѣвѧ**)**ітє нѧ мєнє**.

Во фразе **ѧ до моєго животѧ пособ**[**ь**]**никъ єсмь тобѣ** [**з**](**ѧ**) **твоє** [**д**]**об**[**р**]**о** ‘А я до конца жизни буду тебе помощник за твое добро’ смысл ‘до конца жизни’ выражен идиоматически: буквально сказано просто «до жизни» вместо ожидаемого «до кончины» или под. Абсолютно точная параллель к такому словоупотреблению обнаруживается в тохарском А языке. Тохарский А послелог *ṣolār* ~ *ṣolāraṃ* означает ‘вплоть до X, до самого X’, ср., например, *aviś ṣolār* ‘до самого [ада] Авичи’, *känt-wiki-puklyi ṣolāraṃ* ‘до 120-летнего [возраста]’, *k*(*āśya*)[*p*] *ptā-ñkät ṣolāraṃ* ‘вплоть до Будды Кащьяпы’. При этом значение ‘до конца жизни, до самой кончины’ передается выражением *śol ṣolār* ~ *śol ṣolāraṃ*, буквально опять-таки просто ‘до жизни’. Вероятно, в обоих языках оказалась задействована одна и та же модель эвфемизации.

Д. В. Сичинава (рец.): «В дополнение к интереснейшей тохарской параллели хотелось бы предложить механизм, облегчающий такую эвфемизацию в древнерусском: столь же терминологически устойчивое *по* [*моемь*] *животъ* (букв. ‘после жизни’) и *по съмьрти* — синонимы в своих буквальных значениях. По аналогии и сочетание *до живота* могло быть приравнено к *до съмьрти*».

№ 775 (1280–1300)

Свидетельством существования у имени *Поликарп* отразившегося в грамоте варианта *Поникарп* (→ *Поникар* с упрощением конечного кластера) могут служить современные фамилии *Поникаров* и *Поникаровский*.

№ 809 (1160–1180)

В недавнее время для целого ряда грамот, как новонайденных, так и ранее известных, были предложены реконструкции, основанные на предположении о небольшом или даже минимальном размере лакун у одного из краев — ср., в частности, грамоты № 352, 947, Пск. 2 [Гиппиус, Сичинава 2021: 201, 226, 242], 372 [Сичинава 2023: 215–216], 1151 [Гиппиус 2023: 14] (реконструкция получена независимо А. А. Гиппиусом и Д. В. Сичинавой), 1169, 1170 [Гиппиус 2024: 15, 18–20].

На наш взгляд, к этой же категории должна быть отнесена грамота № 809. Приведем ее текст целиком:

Внутренняя сторона (вероятно, основное письмо)

…
пъвели нѣкъмоу ѿ оуцинѧ[ть] …
жемєцюжєнѣ окънъ бъıшє стрѣ[лъкъı] …
и клѧнаю ти сѧ

Внешняя сторона (вероятно, приписка)
ѧ полостєцю крєни церъноу ѧ к[роу]…
ошєє же ѧ цєто истерѧєшь ѧ оу [пѧтьлѣ](ѧ) …
вѣверицѣ

Можно видеть, что:

— на стыке первой и второй строк внутренней стороны вполне мыслима фраза **ѿ оуцинѧ[ть]** <украшения> **жемєцюжєнѣ**, не требующая добавления никаких слов, кроме названия требуемых изделий;

— словами **окънъ бъıшє стрѣ[лъкъı]** заказ, а с ним и собственно основной текст письма (без учета заключительной этикетной формулы) мог заканчиваться;

— слово **кроуживо**, несомненно представленное (в какой-то форме) в конце первой строки на внешней стороне, безупречно соотносится по смыслу с императивом **ошєє же**;

— фраза **ѧ оу [пѧтьлѣ](ѧ) вѣверицѣ** опять-таки выглядит вполне законченной как по смыслу, так и синтаксически. Ср., например, выразительную приписку на обороте грамоты № 1054 (1260–1280): **у кого грамота у того полуторъ грѣвни**, — а также совсем сходное с примером en question, но не вполне надежное из-за плохой сохранности верхней строки (ѧ) [ку]нѣ оу рашкѧ · 478 (1340–1360) [Сичинава 2023: 220].

Если наша оценка верна, в сохранившейся части грамоты утрачены максимум два слова: название украшений в первой строке внутренней стороны и, скорее всего, какое-то уточнение в конце первой строки внешней стороны.

Сложность с названием украшений состоит в том, что в таком случае оно должно было быть очень коротким — почти наверняка четырехбуквенным. Гипотетически на эту роль может подходить слово *нити* или, менее вероятно, *цепи* (‘цепочки’).

В первой строке приписки размер лакуны составляет 8–9 букв, минимум 4 из которых принадлежат слову *кроуживо*. Допустима конъектура **ѧ к**[**роу**](**живы сама**) **ошєє же** (но, конечно, не исключены и другие варианты)[6].

Поскольку, вне зависимости от справедливости нашей гипотезы, трактовка **ошєє же** как целого предложения, не содержавшего более ни одного знаменательного слова, выглядит маловероятной, объяснения требует позиция энклитики **же**. Похожий пример обнаруживается в грамоте № 788 (1180–1200) [Зализняк 2008: 93]. Интерпретация интересующей нас фразы является предметом дискуссии: А. А. Зализняк исходит из чтения **ннѝ в ошевъ прави же ломьскоую гривьноу** · ‘ныне в Ошев отправь прошлогоднюю гривну’ (перевод несколько изменен по сравнению с [ДНД$_2$: 414]), а А. А. Гиппиус — из чтения **н нивошє въправи же ломьскоую гривьноу** · ‘с Нивоши получи прошлогоднюю гривну’ (с пропуском *а* в предлоге *на*) [Гиппиус, Сичинава 2021: 219]. Место частицы **же** не соответствует закону Ваккернагеля ни при одном из пониманий. По-видимому, усилительное *же* при императиве по своим свойствам приближалось к локальной энклитике, тяготея к позиции после глагольной формы.

Перевод (отличающийся от ныне принятого в первую очередь элиминацией некоторого количества многоточий): ‘…Прикажи кому-нибудь, чтобы сделали <такие-то украшения> жемчужные наподобие стрелок. И кланяюсь тебе’. {Приписка на обороте:} ‘Да купи черную полстку (т. е. коврик, кошму), да кру[жевами] (сама?) обшей. А что потратишь — деньги у Пятелея’.

Следующий шаг в реализации минималистской программы состоит в предположении о том, что в грамоте утрачена ровно одна строка, целиком представлявшая собой адресную формулу. Если вторая строка сохранилась полностью, она насчитывает 27 букв. Подобрать стандартного типа адресную формулу точно такой же длины не составляет труда: **ѿ григории поклонѧ-ниє къ матери** и т. п. Разумеется, данное предположение само по себе недоказуемо и может получить подтверждение лишь в случае, если соответствующая адресная формула будет в дальнейшем обнаружена (или в этом качестве будет идентифицирован какой-либо уже известный фрагмент).

№ 811 (1160–1180)

Вторая строка: …**авдео**… …**ъложѧест**… (размер лакуны неизвестен).

В издании приведена предложенная А. А. Гиппиусом конъектура (*въ непр*)*авде* [НГБ XI: 37]. Действительно, какую-либо иную убедительную

[6] Как указал А. А. Гиппиус (о. д.), если в грамоте была использована форма не мн., а ед. ч. слова *кроуживо* (т. е. **к**[**роу**](**живомь**)), между этим словом и словом **ошєє** могло и вовсе не быть никаких других слов.

конъектуру, кроме (пр)авдє или (нєпр)авдє, для этой части строки подобрать сложно. В параллель к этому в правом фрагменте соблазнительным выглядит чтение ложа єст(ь) (с заменой ъ → *о*), ср. хотя бы знаменитую реплику князя Олега: но все то лъжа есть. конь оумєрлъ. а ѧ(з) живъ. (ПВЛ по Ипатьевскому списку). Возможно, грамота содержала фрагменты каких-то церковных текстов.

№ 824 (1140–1160)

Конец грамоты сохранился в следующем виде: (…)в[ь]рьти тобою а промъысли о томъ :.

Приведенная в [ДНД$_2$: 367] конъектура (чєт)в[ь]рьти — на практическом уровне единственно возможная. Однако любую попытку интерпретировать сочетание *четвьрьти тобою* без допущения о какой-либо ошибке, на наш взгляд, следует признать безнадежной — по крайней мере, до появления новых данных. Мы полагаем, что Жирко пропустил предлог *за* (менее вероятно, *съ*), так что в предпоследней фразе письма могло быть сказано, например, нечто вроде (мои дъвѣ чєт)в[ь]рьти <за> тобою. Заметим, что автор мог и исправить свою ошибку, вписав пропущенные буквы чуть выше: в левой части последней строки ее верхний край срезан.

Д. С. Крылов (личное сообщение) предложил рассматривать тобою как беспредложный «творительный падеж посредника» (‘[послать] … с тобой’), а А. А. Гиппиус (рец.) — как творительный причины (‘[потерял] … из-за тебя’). Однако наше предположение о пропуске предлога основано именно на том, что для личных местоимений такие употребления творительного падежа нам неизвестны.

№ 831 (1140–1160)

Основная часть черновика письма Кузьмы Рагуилу заканчивается фразой да надо вьсьмь та блъсловило. На наш взгляд, принятый перевод этой фразы — ‘И благословляю тебя во всем’ — не передает ни оригинальности избранного автором оборота надо вьсьмь, ни скрытых за ним эмоций.

Бóльшая часть письма представляет собой перечень несправедливых претензий, обид и притеснений, которым Кузьма и его дети подвергались со стороны адресата. Чтобы смысл сказанного Кузьмой был яснее, позволим себе прибегнуть к аналогии из недавнего прошлого (ход событий пересказан по необходимости упрощенно). Поэт Александр Кушнер жестоко обиделся на своего близкого друга Иосифа Бродского за посвященное ему стихотворение «Письмо в оазис», в котором есть, в частности, следующая строфа: «Теперь в твоих глазах амбарного кота, // хранившего зерно от

порчи и урона, // читается печаль, дремавшая тогда, // когда за мной гналась секира фараона». Однако некоторое время спустя Кушнер простил Бродского и в знак примирения подарил ему книгу с надписью: «Иосифу, **перешагнув через** амбарного кота, секиру фараона и другие царапающие, колющие и режущие предметы, с любовью» [Кушнер 1998: 197] (выделено нами. — *И. И.*). Можно видеть, что сходная метафора лежит и в основе языковых клише типа *Я выше этого*. Мы полагаем, что заключительное обращение Кузьмы к Рагуилу точнее переводить как ‘Но я благословляю тебя, несмотря на все это’ или даже ‘Но я благословляю тебя, переступив через все это’[7].

№ 840 (1140–1160)

В сохранившейся во второй строке последовательности …**ѯоушѧ**… гипотетически можно видеть какую-то форму глагола *покушати* ‘пробовать, расписывать перо’, на бересте встретившегося в грамотах № 702 и 1085 (в этой грамоте, как и в грамоте № 840, на листе имеется и другой текст [Сичинава 2023: 223]).

№ 878 (1100–1120)

Начало грамоты обычно приводится в таком виде: … **ѧ ѧ ж**(**є о**)[**б**]**ѧ**[**г**]**ѻрю вѧ**[**съ**] <…>. Как указывают издатели, «[р]еконструкция *обагорю* ‘обагрю’ вызывает некоторые сомнения ввиду изысканной литературности слова» [НГБ XI: 81]. На наш взгляд, эта реконструкция представляется маловероятной еще по нескольким причинам:

— непонятно, каким образом в качестве объекта глагола *обагрити* ‘окрасить в красный цвет’ могли бы выступать «вы», т. е. адресаты грамоты;

— грамота (правда, от нее сохранился совсем маленький фрагмент) не имеет признаков бытовой графической системы; более того, это одна из самых ранних (если не самая ранняя) грамота, в которой встретилась «книжная» графема *є*. Соответственно, в отсутствие эффекта **ъ** → *о* ожидалось бы *(**о**)[**б**]**ѧ**[**г**]**ърю** или *(**о**)[**б**]**ѧ**[**г**]**рю**;

— наконец, по оценке Д. С. Крылова (личное сообщение), между **ж** и **б**, скорее всего, утрачена только одна буква, т. е., собственно, (**є**).

Мы предлагаем читать рассматриваемый фрагмент … **ѧ ѧ ж**(**є**) [**б**]<**л**>**ѧ**[**г**]**о**<**дѧ**>**рю вѧ**[**съ**] <…>; такое же решение при знакомстве с текстом грамоты независимо предложила С. И. Переверзева. Грамота написана неуверенным почерком, буквы «прыгают»; не исключено, что ее автор

[7] Очень близкую интерпретацию в ответ на наш вопрос о смысле обсуждаемой фразы предложила А. В. Птенцова.

просто не справился с длинным словом. Как и в грамоте № 824, пропущенные буквы могли быть вписаны над строкой и не сохраниться. Кроме того, во время обсуждения доклада сразу несколько участников дискуссии предположили, что слово *благодарю* могло быть записано под титлом (в таком случае опять-таки утраченным), но вместо стандартного *блг҃одарю* или *блг҃дарю* автор — возможно, в силу той же нетвердости навыка — использовал необычное сокращение.

№ 881 (1120–1140)

Грамота сохранилась в таком виде:

…ъ валътъıроу бо҃го҃ са боа идоу …
…и по[щ]епав[ш]и грамотоу …

Комментарий А. А. Зализняка: «Адресату, по-видимому, предлагалось что-то выплатить (или вернуть) немцу Валтыру, “побоявшись Бога”» [ДНД$_2$: 341]. На наш взгляд, текст допускает и иное синтаксическое членение. Последовательность «…ъ + имя в дат. п.» в значительном большинстве случаев (по нашей приблизительной оценке — не менее 90 %) представляет собой часть адресной формулы; конфигурация фрагмента не противоречит предположению о том, что у грамоты сохранился верх.

Дальнейшая интерпретация начальной части грамоты зависит от того, выделяется ли в ней словоформа **идоу**. Без учета грамоты Ст. Р. 6, где, по-видимому, имела место правка **иду** на **єду**, форма 1-го л. ед. ч. глагола *ити* встретилась в берестяных письмах лишь один раз: **идоу къ сватъıмъ** 296 (1180–1200). Как кажется, **бо҃го҃ са боа** — вполне подходящая мотивация для намерения отправиться к святым местам. Перевод, соответствующий этому пониманию: ‘(От Х-а к) Валтыру (= Вальтеру). Боясь Бога, иду (в паломничество?)… Разорвав грамоту…’ (заметим, что слова **по[щ]епав[ш]и грамотоу** едва ли могут относиться к самому Валтыру, поскольку **по[щ]епав[ш]и** — форма ж. р.).

Уязвимая сторона предложенного построения — необходимость предполагать, что слова **бо҃го҃ са боа** относятся не к адресату, а к автору грамоты. Хотя запрета на такое употребление, несомненно, не было (ср. яркий пример: г҃а҃ бѣ҃ боюса аз҃ъ (Житие Василия Нового, XI в.)), в целом оборот *бояться Бога* тяготеет к экзоцентричности, ср. сохраняющееся и в современном русском языке восклицание *Побойся Бога!*, не имеющее никакого аналога в 1-м лице. Именно так употреблен этот оборот в другой берестяной грамоте XII в.: а правитє · имъ тъваро · бо҃а҃ са боаць 548 (1180–1200). С учетом этого А. А. Гиппиус (о. д.), основываясь на возможной параллели из «Поучения Владимира Мономаха»: *Бога дѣля и душа своея, страх имѣйте Божий в сердци своемь*, — предложил для грамоты № 881 конъектуру *Бог<а> сѧ бо҃м и доу*(*шѣ своеѣ блюда*).

№ 924 (1180–1200)

Для конечной части грамоты — [поп]о ρ[а]дила шеломъина послоухъı — издатели указывают два возможных понимания: ‘Поп, Радила [и] Шеломына послухи (т. е. свидетели)’ и ‘Поп Радила [и] Шеломына послухи’ [НГБ XII: 18]. Однако при втором варианте прочтения в грамоте конца XII в. ожидалось бы двойственное число: *послоухома*, если слово ‘свидетели’ стоит в тв. п., или *послоуха*, если это им. п. (в [ДНД$_2$: 784] такая возможность допускается как маловероятная).

Грамота № 1083 (также 1180–1200) представляет собой письмо Радила к Радонегу, грамота № 442 (1220–1240) — фрагмент письма от Радилы к матери. Нигде более в берестяных грамотах имена *Радила* и *Радил* не засвидетельствованы. Если допустить вариативность склонения (ср. грамоту № 142 (1300–1320), в которой формы ѿ маркь (род. ед. от *Марка*) и маркє (зв. ед. от *Маркъ*) заведомо относятся к одному и тому же человеку [ДНД$_2$: 537]), грамота № 1083 могла бы подтвердить, что Радил(а) не был попом, коль скоро он был ювелиром. Если датировки грамот № 924 и 442 в дальнейшем не будут существенно скорректированы, получается, что Радила-старший в (условно) 1190 г. был достаточно опытен, чтобы выступать в качестве свидетеля, а Радила-младший в (столь же условно) 1235 г. — достаточно молод, чтобы обсуждать хозяйственные вопросы с матерью. Заманчиво видеть в двух носителях этого редкого имени деда и внука.

№ 950 (1100–1120)

Приведем начало и конец грамоты:

…[ц]оу въдалъ бъı кънѧзоу
… <…>
…(а)[зъ] т[и] са ⁿ̊к[ла]н[аю по] сторовоу ва єсмъı
(…)

Комментарий А. А. Зализняка: «Отрезок …[*ц*]*оу* — возможно, конец наименования адресата. Это могло быть, в частности, *къ отьцоу*. Далее сказано: ‘дал бы (ты [?]) князю …’

<…>

Неожиданное двойств. число в конце (‘у вас двоих’) после единств. числа (‘тебе кланяюсь’) согласуется с гипотезой о том, что письмо адресовано отцу, а именно, в заключительной фразе сын уже имеет в виду обоих родителей» [ДНД$_2$: 274].

Однако перевод ‘дал бы ты князю …’, вообще говоря, невозможен: предполагать, что автор «на ровном месте» пропустил связку, нет никаких оснований; порядок слов **въдалъ бы кънѧзоу еси* или **въдалъ бы кънѧзоу ты* был бы совершенно аномальным. Помимо этого, такое использование

в первой фразе письма сослагательного наклонения вместо повелительного, кажется, нигде более не отмечено. В то же время с учетом структуры заключительной фразы факт обращения автора именно к родителям едва ли вызывает сомнения.

Потенциальным ключом к разрешению этого видимого парадокса оказывается уже упоминавшаяся грамота № 354. Вот как выглядят ее начало и существенный для нас фрагмент из заключительной части:

ѵєломъбитиє к ог҃жи мт҃ри ѿ ѻнсифора ·
<…>
и диду молиса ѵто бъı ихалъ
в июриєвъ · монастиръ пшєнки по
прошалъ
<…>

При этом грамота № 354 (1340–1360) — одна из самых ранних, в которой представлено сочетание *что бы*, фактически уже неотличимое от современного *чтобы*. Для XII в. отсутствие этого сочетания нормально, ср. <…> **да молю ти са госъпоже ка моа да посълъ во борожь и ръıбиць въıдаль ти** <…> 682 (1160–1180) ‘И прошу тебя, госпожа моя: пусть он поскорее выдаст соленье и [свежих] рыбок’ (перевод незначительно изменен по сравнению с приведенным на сайте gramoty.ru).

Таким образом, согласовать между собой начало и конец грамоты № 950 позволяет следующая реконструкция:

(ѿ Х-а къ матєри молиса оть)[ц]оу въдалъ бъı къназоу
… <…>
…(а)[зъ] т[и] са ᵐᵒк[ла]н[аю по] сторовоу ва єсмъı
(…)

‘(От Х-а к матери. Попроси от)ца: дал бы [он] князю … <…> (А) я тебе (= матери) кланяюсь. Мы у вас двоих благополучны’.

№ 985 (1180–1200)

«Это конец одной строки письма (возможно, последней)»: …[а] **к[о ла]рю крєни** [НГБ XII: 89]. Перевод издателей: ‘… купи для ларя (т. е. для того, чтобы вложить в ларь)’ [Там же].

Такое объяснение выглядит «подозрительным». Прежде всего, вызывает сомнения сама возможность существования конструкции *крити к чему-то*. Кроме того, жители древнего Новгорода, скорее всего, хорошо знали, где какие покупки надлежит хранить. Наконец, несколько неестественным кажется даже порядок слов. Современным аналогом грамоты № 985 в этой ее интерпретации могла бы служить записка, оставленная женой мужу на кухонном столе и заканчивающаяся словами «…масла для холодильника купи».

А. А. Гиппиус (о. д., рец.) предложил реконструкцию, во многом устраняющую перечисленные странности: (*два замк*)*а ко ларю крени*. Нам все же представляется более вероятным другое решение, основанное на том, что последовательность *…к Х-у крени…* находит себе прямые параллели в нескольких других грамотах, где ее аналоги стоят на стыке конца адресной формулы и начала основного текста, ср. **отъ рощєнѣ къ акимоу : крьнь кожоухъ гривьною** <…> 1110 (1160–1180), аналогично **крини** Ст. Р. 54 (1180–1200), **купи** 125 (1400–1410), **купитє** 173 (1400–1410). Почти наверняка к этой группе принадлежит и грамота № 153 (1180–1200), непосредственно (без адресной формулы) начинающаяся с **крини**: предполагать, что это не первый лист большого письма, нет специальных оснований. Фактически сюда же относится и недавно найденная грамота № 1211 (XII в.): [꙲] **рошькѣ къ стєпаноу : добро сътвора крьни ми** <…> ‘От Рошки к Степану. Пожалуйста, купи мне…’ [Гиппиус 2025: 30–31]. Внешний вид фрагмента не исключает такой интерпретации: текст доходит до правого края листа, а верхний край (по-видимому, обрезанный) выглядит едва ли не более аккуратным, чем нижний (по которому грамота могла быть и просто разорвана). В таком случае [**ла**]**рю** — это форма дательного падежа имени *Ларь* — гипокористического варианта от *Ларионъ*, образованного по той же модели, что и, например, встретившееся в грамоте № 929 (1280–1300) уменьшительное *Максъ* (от *Максимъ*), «которое кажется неправдоподобно современным», но «в действительности построено в полном соответствии с древнерусскими правилами» [ДНД$_2$: 562]: ‘(Покланяние от Х-)а к Ларю. Купи…’ Имя *Ларионъ* в Новгороде хорошо известно — как в народном варианте *Ларьянъ*, так и в более официальном: ср. **꙲ ларьана** 91, **с лариѡнь(цмъ)** 964 (обе — 1360–1380) и др.

При обсуждении с ними грамоты № 985 независимо от нас и друг от друга такую же ее интерпретацию предложили А. В. Либер и Д. С. Крылов.

Д. В. Сичинава (рец.) счел оправданным возвращение к прозвучавшей в ходе обсуждения доклада версии о написании **к**[**о ла**]**рю** как результате пропуска слога в сочетании **ко** <**ѳо**>**ларю**. Хотя сам рецензент не отрицает, что необходимость предполагать описку — уязвимое место этой версии, справедливости ради следует сказать, что автор настоящей работы допускает в точности такой же графический эффект — написание **꙲ оносс**[**а**] вместо **꙲ о**<**ѳо**>**носа** — в адресной формуле грамоты № 1053 (см. подробнее ниже).

Если в тексте грамоты № 985 все же действительно фигурирует имя *Ларь*, возникает вопрос, не представлено ли это имя (а не нарицательное существительное *ларь*) также в трудной надписи № 238 из Софии Новгородской[8]:

[8] Надпись приведена в соответствии с одним из текущих рабочих чтений А. А. Гиппиуса и С. М. Михеева, которым мы приносим искреннюю благодарность.

† псоуриии[ць] ларъ[9]
стръшков[ъı] ѕ дофотъı [г]

В отличие от грамоты, в софийской надписи трактовка слова **ларъ** как антропонима не делает текст стандартным и однозначно ясным. Отметим лишь, что она по крайней мере позволяет видеть в первой строке имя и отчество. На бересте порядок «отчество + личное имя» до сих пор встретился только однажды — в грамоте № 1108 (1160–1180), где упоминается **стоѧниуь фома**. По мнению А. А. Гиппиуса, такая инверсия может быть связана с тем, «что до Фомы Стоянича в тексте упоминался еще один Фома»; это объяснение основано на параллели с фрагментом из ПВЛ, где подобным образом различены князья Давыд Святославич и Давыд Игоревич [Гиппиус 2019: 56–57]. Однако в летописях такой порядок именования встречается многократно, в том числе в контекстах, где речь не идет о тезках, — ср., например:

В лѣто ѯ҃ѕ҃ ҃χ҃ ѧѕ҃ Ѡльговиуь всєволодъ. ѩ стръıѩ своєго ѩрославѧ. чєрниговѣ. (Киевская летопись);

в то жє вєрємѧ. придє гюргьвиуь глѣбъ ко с҃тославоу девагорьскоу (Там же);

въ то (ж҃) лѣ(т҃) придє кн҃зь мьстиславиць всѣволодъ пльсковоу · (Новгородская первая летопись, Синодальный список).

№ 1002 (1140–1160), **№ 1102** (1340–1360)

В двух берестяных грамотах союз *а* записан в виде ѧ, т. е. с протетическим [j]: **ѧ нъıньково** ‘А теперь…’ 1002, **ѧ рубили свои возми** ‘…а рубль свой возьми’ 1102[10]. Эти два примера можно сопоставить со следующим фрагментом из Киевской летописи: **любо дѧи изѧславу чєго ти хочєть. пакъı ли ѩ поиди полкъı своими ко мнѣ**; **пакъı ли ѩ** несомненно написано здесь вместо обычного *пакы ли а*.

№ 1015 (1140–1160)

ак[ъ]шл с[оль]мирцоу ѧ коуплєно ти по цєтъıри коун-

[9] С нашей точки зрения, последняя буква первой строки представляет собой нечто среднее между ь и ъ. На возможные понимания текста это обстоятельство, однако, существенного влияния не оказывает.

[10] А. А. Гиппиус усматривает такую же йотацию в грамоте № 1229 (рубеж XI–XII вв.), трактуя фразу **ѧ нє ємьль оутєхє рѧзвь тьбє** не как ‘я не имела утешения, кроме тебя’ (с повторением **ь** предыдущего слога вместо **ємьл**<**ѧ**>), а как ‘а [дети] не имели утешения, кроме тебя’ [Гиппиус 2025: 33]. Нам данная интерпретация представляется маловероятной.

Комментарий издателей: «Это срединная или последняя строка документа <…>. Слова ‘… Якша Сольмирцу’ явно представляют собой конец какого-то предложения (со сказуемым типа ‘дал’, ‘послал’ и т. п.). Далее сказано: ‘А куплено по четыре куны’» [НГБ XII: 114]. Такой порядок слов был бы, однако, уникальным: последовательность «имя в им. п. + имя в дат. п.» встречается в берестяных грамотах редко, и во всех случаях прямой объект стоит правее косвенного:

жиръкє гамизилє даль коуN… 454 (1180–1200);
сє посла и[ва](**N**)… …**ру шсєтриNу** 1130 (1320–1340);
далє филипє стоику ·г̀· рублѣ серебромъ и ·з̀ гривєNъ куNъ и коNь 154 (1420–1430).

Начало текста отстоит от левого края строки на некоторое расстояние; справа текст не доходит до края еще более заметно. Бесспорных следов наличия других строк в грамоте не обнаруживается. Мы допускаем, что документ сохранился целиком и представляет собой не письмо в классическом смысле, а — как и, например, грамота № 1130 — сопроводительную записку при посылке некоторого товара: ‘Якша — Сольмирцу. А куплено [это] вот по четыре куны’.

Если наше предположение верно, свойственная многим авторам берестяных грамот склонность к лаконизму достигает здесь своего апогея. Адресная формула состоит т о л ь к о из имен отправителя и получателя. Купленный товар не назван, поскольку он и так отправлен Сольмирцу «лицом». Приведена лишь стоимость покупки — вероятно, чтобы адресат знал, какую именно сумму ему надлежит возместить Якше.

А. А. Гиппиус (о. д., рец.) указал на возможность иного словоделения, предполагающего, что текст грамоты все же дошел до нас не целиком: … **ак**[ъ]**ша с**[**оль**] **мирцоу** ‘…(послал) Якша соль Мирцу’. Такое решение само по себе не исключено, однако основной аргумент рецензента — «имя Сольмир нигде не засвидетельствовано и сомнительно по составу» — основан на недоразумении: ср. грамоту Ст. Р. 7 (1140–1160, т. е. в точности того же времени, что и посылка Якши), адресованную **ѿ солмира къ нѣжькоу**.

№ 1053 (1320–1340)

Грамота сохранилась полностью с утратами отдельных букв:

ѿ онос[**а**] **покл**(**он**)**о · ко** (**да**)**нил**(**ѣ с**)**ъи**[**и**] **м**(**оє**)
и при[**ш**]**и м**[**и**] **сор--ю по**(**ло**)**тєнє**(**цє**)
по(**р**)**от**(**о**)**ки · [п]овод**(**о**) **сестр**(**ѣ**) **моє · п--**
пришли полотєна · а бид жив(**о**)
заполацюса

Имя автора публикаторы грамоты трактуют как народный вариант имени *Енос* [НГБ XII: 154]. При этом обращает на себя внимание, что писавший

«был склонен к пропуску букв» [Там же]: в слове *пришли* отсутствует *л*, последовательность **сор--ю** явно представляет собой слово *сороцицю* с двумя пропущенными буквами (скорее всего, *ци*). Это заставляет задаться вопросом о том, не был ли автор письма носителем не доселе неизвестного на бересте имени *Онос*, а широко распространенного в Новгороде имени *Офонос*.

Понимание отрезка **ѿ онос[ѧ] покл(он)о · ко (да)нил(ѣ с)ыноу м(оє)моу** целиком как адресной формулы вызывает сомнения в нескольких аспектах.

Во-первых, как отмечают издатели со ссылкой на § 4.10 книги [ДНД$_2$], при таком понимании в грамоте обнаруживается «сравнительно редкая в эту эпоху конструкция без повторения предлога» [НГБ XII: 154]. Однако в § 4.10 А. А. Зализняк специально указывает, что в конструкции с первым элементом — именем собственным случаи неповторения предлога «отмечаются не ранее 2 пол. XIV в.» [ДНД$_2$: 165], тогда как для грамоты № 1053 внестратиграфическое датирование дает оценку «1280-е — 1310-е гг.».

Во-вторых, совершенно беспрецедентным оказывается звучащий вполне естественно оборот *данилъ сыну моему*. Мы обнаружили следующие адресные формулы, в которых автор называет адресата (или одного из адресатов) как по родству (в широком смысле, включая такие обращения, как *кум* или *сват*), так и по имени:

(0) **поклонание ѿ єфрѣма къ братоу моємоу исоухиѣ** 605 (1100–1120);
(1) + **поклонание ѿ данила ко брату к ъгнату** 765 (1240–1260);
(2) **поколоно ѡ гаврили ѡ посени ко зати моємоу ко горигори жи коумоу и ко сєстори моєи ко оулити** 497 (1340–1360);
(3) **поклонъ ѿ ларьѭна · ко свату моюємоу · максиму** 91 (1360–1380);
(4) **поклоно ѿ акова кумоу и другоу максиму** 271 (1360–1380);
(5) **поклонъ · ѿ ѳнцифора · к бабѣ · к марѣмьѭнѣ ·** 578 (1360–1380);
(6) **поклонъ · ѿ синофонта · ко брату моюємоу · ѳфоносу ·** 178 (1380–1400);
(7) …[ѭ къ] **жєни своюєи улыѭни** 942 (1380–1400);
(8) **поклонъ ѿ ѡксини і ѡнани к родивоноу і сєстри моюєі татиани** Ст. Р. 40 (1380–1400);
(9) **поклонъ · ѿ маринѣ · къ с҃ноу · к моюємоу григорью** 125 (1400–1410);
(10) **слово добро ѿ юсифа брату фомѣ** 122 (1410–1420);
(11) **цолобитыє ѿ юсифа брату своюєму фомѣ** 129 (1410–1420);
(12) **приказъ ѿ кузми к синоу к своюєму к исаку [ко оул]иану и к тимофию** Ст. Р. 2 (1410–1420).

Приведенная подборка с несомненностью свидетельствует, что использование двойной номинации — яркий датирующий признак, до сих пор как будто остававшийся незамеченным. Авторы ранних грамот, обращаясь к близким, называли их либо по имени, либо по родству. Пример из грамоты № 605 обозначен номером (0), поскольку он относится к данной категории лишь формально: в этом письме одного монаха к другому речь, разумеется, не идет о кровных братьях. На данный момент особняком с хронологической точки зрения стоит даже пример (1): трудно отказаться от мысли,

что избрать такой необычный для середины XIII в. способ именования адресата явно не лишенного эпистолярных дарований Данила могла подтолкнуть… рифма между словами *братъ* и *Игнатъ*. Расцвет же двойных номинаций приходится на середину XIV — начало XV в., т. е. на период, когда в частных письмах (не челобитных) наиболее частым вариантом начальной фразы становится формула со словом *поклонъ* [ДНД$_2$: 36–37].

На этом фоне употребление двойной номинации в грамоте № 1053 (хотя она также содержит слово *поклонъ*) опять-таки оказывается подозрительно ранним. Однако куда важнее другое: во всех до единого случаях (включая грамоты № 605 и 765) термин родства предшествует имени. Вполне вписываются в эту закономерность и примеры (9) и (12), обращенные как раз к сыновьям.

Экстраполировать на древний Новгород наши представления об отношениях между родителями и взрослыми детьми было бы некорректно. Тем не менее нельзя не упомянуть и о том, что для послания к родному сыну заключительная фраза грамоты производит странное впечатление.

Мы предлагаем интерпретировать текст грамоты иначе, а именно: считать, что адресная формула в ней заканчивается словом **данилѣ**. Такое решение обладает следующими преимуществами:

— адресная формула грамоты предстает совершенно стандартной (*отъ X-а поклонъ к Y-у*);
— первая и вторая фраза основного текста оказываются в точности параллельными:
  • **сънѫ моємѫ приш<л>и** <то-то и то-то>…
  • **сестрѣ моє<и> пришли** <то-то>…[11]
— заключительная фраза, будучи обращена не к близкому родственнику (точно не к сыну и, вероятно, не к брату, поскольку в этом случае ожидалось бы «сестре нашей»), выглядит вполне уместной.

На первый взгляд, веским аргументом против такого решения кажется слово **ми**; очевидно, именно оно подталкивает носителей современного русского языка к прочтению, которое приведено в издании. Однако в письме Оноса (или Офоноса) **сънѫ моємѫ** и **сестрѣ моє<и>** означает ‘для моего сына’ (— *Что вам надо?* // — *Шоколада.* // — *Для кого?* // — *Для сына моего.*), ‘для моей сестры’: и сын — очевидно, подросток или неженатый юноша (— *…Он у меня еще маленький!*), и сестра — очевидно, незамужняя — на момент отправки письма явно жили в доме его автора. Позиция энклитики *ми* объясняется ритмико-синтаксическим барьером после **сънѫ моємѫ**, вполне ожидаемым как с синтаксической (двучленная начальная группа), так и с коммуникативной (фактически этот оборот играет

[11] Такой параллелизм подкрепляет предположение издателей о том, что в конце третьей строки грамоты стояла «приставка *при* от слова *пришли*, которое автор начал писать, но затем решил записать его уже в следующей строке, а лишнее не зачеркнул» [НГБ XII: 154].

роль заголовка при списке) точки зрения. В грамотах, особенно поздних, есть и другие примеры постановки *ми* после неначального глагола, ср. прежде всего **і тъı дѧі ми рубєлъ** 374 (1420–1430).

Во второй фразе *ми* не повторено. Это соответствует общей модели: если в тексте письма присылка кого-то или чего-то его автору фигурирует несколько раз, при последнем вхождении глагола *прислати* местоимение отсутствует. Ср. (приведены только синтагмы, включающие этот глагол):

и вєвєриць ми нє присълєши ~ **ѧ нє присълєши ми полоу пѧтъı гривьнъı** ~ **посъли жє добръмь** 246 (1025–1050);
присъли ми вѣвєриуѣ : ~ **ѧ присъли** 912 (1050–1075);
[**въ**]**жє ми присъли** ~ **дѧ прис**[**ъли ли**](**цьмъ**) ... 732 (1160–1180);
пришли ми · … **мои** · **·в·** **грвнии** · ~ **или нє пришльши** · 1129 (1340–1360);
пришли ми · **цоловѣкъ** · **нѧ жерєпцѣ** ~ **дѧ пришли** · **сороцицю** · 43 (1380–1400).

Это правило сохраняло актуальность в течение всего периода бытования берестяных писем. Ему следует даже разъяренный отправитель грамоты № 246 Жировит. Вероятно, авторы считали соответствующее напоминание либо невежливым, либо ситуативно избыточным (что в известной мере может сводиться к одному и тому же).

Отметим, что в грамоте № 1129, как и в грамоте № 1053, первое вхождение формы **пришли**, напротив, сопровождено двумя местоимениями 1-го лица.

Предлагаемый перевод: ‘От Оноса (или: ‘Офоноса’) поклон Даниле. Для сына моего: пришли мне сорочку, полотенце (или: ‘полотенца’), портки, повод. Для сестры моей: пришли полотна. А буду жив — расплачусь’.

№ 1060 (1160–1180)

Заключительная фраза грамоты: **п**[**о**]**им**[**ѧ**]**въ у мєи**[**є**] **м**[**сч**]**ъи**[**оє**] (**в**)[**ъдѧ**]**ж**[**ъ**] **госпо**(**ж**)**и** ·.

Проблему в этой фразе составляет слово, прочитанное издателями как **м**[**сч**]**ъи**[**оє**]: «Реконструкция отрезка **м**[**сч**]**ъи**[**оє**] (= <*мѣсмчьное*>, записанное без титла) не вполне надежна, но других приемлемых решений здесь не усматривается» [НГБ XII: 162]. Отметим все же, что поиск другого решения представляется желательным: такого типа сокращенное написание в тексте берестяного письма (не долгового списка и т. п.) было бы едва ли не уникальным[12]. При этом трактовка рассматриваемого отрезка

[12] Д. В. Сичинава (рец.) указал на случаи сокращенного написания прилагательного *мѣсмчьныи* в «Русской правде» по списку Кормчей 1282 г., где несколько раз встретился термин **м**(**с**)**цьнъıи рѣзъ**. Добавим, что аналогичное написание (**видѣніє м**(**с**)**цьноє**) отмечено и в «Учении о числах» Кирика Новгородца (1136). Мы, однако, не видим оснований для прямого сопоставления этих примеров с текстом грамоты № 1060.

как обозначения «дани, которую автор письма собрал для госпожи (или которую он сам должен выплачивать госпоже)» [Там же] подходит к контексту безупречно хорошо.

Обращение к фотографии показывает, что состояние бересты не позволяет с уверенностью судить, имеет ли буква, прочитанная издателями как [с], язычок[13]. При положительном ответе на этот вопрос мы получаем словоформу **м**[**єѵ**]**ъN**[**оє**], записанную без каких-либо графических отклонений. Допускает ли эта форма удовлетворительную интерпретацию с учетом содержания грамоты? Попробуем показать, что и на этот вопрос ответ может быть положительным.

Из новгородских документов XIII–XV вв. известен термин *скотники*, обозначающий определенную группу сборщиков податей. В 2023 и 2024 гг. этот термин впервые встретился на бересте — в грамотах № 1169 (1360–1380) [Гиппиус 2024: 15–17] и 1216 (вторая половина XIV в.). Значительно раньше, в грамоте № 754, относящейся к тому же времени (условная дата — 1380–1400), был обнаружен ἅπαξ λεγόμενον *скотное* — «какая-то выплата, связанная со скотом» [ДНД$_2$: 581]. Не вдаваясь в сложный вопрос о том, какое значение слова *скотъ* — современное ‘домашняя живность’ (в берестяном корпусе нигде надежно не засвидетельствованное) или более раннее ‘деньги’ — имеется в виду в грамоте № 754, отметим лишь, что кажется естественным понимать *скотное* (хотя бы «этимологически») как тот самый вид выплаты, который должны были собирать *скотники* (в статье [Гиппиус 2024] грамота № 754 не упомянута). Между тем по крайней мере в ранний период существования Новгородской республики в ней имелась также категория сборщиков податей, именуемая *мечниками*: некоторые подробности ее деятельности известны благодаря деревянным цилиндрам, найденным на Троицком раскопе [ДНД$_2$: 276–278]. И в этом случае кажется естественным допустить, что выплата, собираемая *мечниками*, носила название *мечное*. Напрашивается предположение, что именно мечником и был автор грамоты № 1060.

Подчеркнем, что предлагаемое нами решение фактически сводится к применению приема словообразовательного анализа, иногда называемого «квадратом Гринберга»: *скотники* : *скотное* = *мечники* : *мечное*. Ни на каких исторических импликациях мы в этой связи не настаиваем.

№ 1074 (1380–1400)

В первой строке, представленной в издании в виде …**-ъ съıNъ** [**ви**]…, может быть предположительно выделена словоформа **съıNъ**[**ви**]. Как ни парадоксально, исторически закономерная форма дат. ед. **сıNови** встретилась

[13] Что касается следующей буквы, то мы принимаем ее чтение как [**ѵ**] за неимением лучшего.

(наряду с **сиⷩу**) именно в поздней грамоте № 406 (1360–1380). Не исключено, что в каких-то семьях эта форма на протяжении нескольких поколений реликтово сохранялась в тот период, когда окончание дательного падежа *-ови* уже было древненовгородским диалектом фактически утрачено [Иткин, Коган 2006: 206]. Форма **подаитє** во второй строке свидетельствует о том, что адресатов было как минимум двое [Гиппиус и др. 2017: 8]; соответственно, первая строка могла содержать адресную формулу вида (*Поклонъ от X-а къ Y-у и к*)*ъ сынъви* (*кго* (*къ*) *Z-у*).

Смол. 2/3 (1260–1280)

От грамоты сохранились два фрагмента, первый из которых печатается в следующем виде:

…
ни двѣма гривна
ма · а другому ко
лвь у сє…
…

Справа над верхней строкой видны следы еще трех букв, которые мы читаем как [**кнє**]; независимо от нас к такому же чтению пришел Д. С. Крылов. Если не предполагать буквенных ошибок, последовательность …[**кнє**]**ни двѣма гривнама** как будто бы не имеет удовлетворительной интерпретации. Мы полагаем возможным возводить ее к … **к**<**р**>**єни двѣма гривнама** с предвосхищением *н* следующего слога; во время доклада такое же решение было независимо предложено И. С. Юрьевой. Управление **к**<**р**>**єни двѣма гривнама** — в точности такое же, как в **а то гривьною кри**(**лъ єсмь**) 831 (1140–1160), **крьнь кожоухъ гривьною** 1110 (1160–1180); императив **к**<**р**>**єни** хорошо коррелирует с последующим **молвь**. В целом рассматриваемый фрагмент может быть частью распоряжения примерно такой структуры: «У одного брата корову купи за две гривны, а другому скажи: “У Селифана уже купил”».

Некоторые сомнения (помимо, разумеется, самой необходимости предполагать описку) вызывает хронология: как еще в 1986 г. отметил А. А. Зализняк [НГБ VIII: 175], все берестяные грамоты, в которых надежно засвидетельствован глагол *крити*, относятся к XII в. Интересно, однако, что едва ли не самая поздняя фиксация лексемы *крити* в истории русского языка обнаруживается именно в Смоленске. Речь идет о списках D и E Рижской редакции договора Смоленска с Ригой и Готским берегом (1229), датируемых обычно третьей четвертью XIII в. (см., в частности, схему В. А. Кучкина [Кучкин 1966: 111], в целом поддержанную П. В. Петрухиным [Петрухин 2013: 164]): **аже немуичь крьнєть гр҃вноу золота** <…> **аще крьнєть немуичь гр҃вноу серебра** (цит. по списку D).

Смол. 14 (1140–1160)

А. А. Гиппиус и Д. В. Сичинава предлагают для первой строки грамоты словоделение …ѫ лєчи порѹчи… с переводом ‘поручи Х-у стать лагерем на ночлег’ [Гиппиус, Сичинава 2021: 245]. Прежде всего, вызывает сомнения возможность такого употребления глагола *поручити*. В современном языке поручить кому-то можно лишь такое действие, которое в принципе могут выполнить разные люди (ср. *поручил младшему сыну себя разбудить*, но не **поручил младшему сыну лечь спать*). Разумеется, все тонкости употребления этого глагола в древнерусском языке нам неизвестны, но представляется, что его внутренняя форма, связанная с идеей передачи каких-либо полномочий в другие руки, много столетий назад должна была ощущаться только сильнее. Еще более существенно, что в берестяных грамотах инфинитив в подавляющем большинстве случаев не предшествует управляющему глаголу, а следует за ним. Собственно, на фоне многих десятков примеров постпозиции мы смогли найти лишь два бесспорных исключения — знаменитое ѧ рѫти тѧ хоцѫ 776 (1140–1160), где инверсия легко объяснима эмфазой, и здѣсє филисть иєхѧть хоцє в намного более поздней грамоте № 19 (1410–1420)[14].

Мы предлагаем для данной строки чтение …ѫ лєчи по рѹчи(ю) … ‘Хочу (?) стать на ночлег вдоль ручья (или: ‘у Ручья’)’.

С. М. Михеев (о. д.) предложил вовсе отказаться от выделения в грамоте словоформы *лечи* в пользу чтения …жлє чи порѹчи …, где …*жле* — конец словоформы типа (*Мик*)*жле*, а *чи* — частица. Такое решение возможно, но представляется нам синтаксически более сложным, чем только что приведенное.

Ст. Р. 12 (1140–1160)

Стоящий в начале четвертой строки отрезок ємошє жєно: считается «темным»: в словоуказателе А. А. Зализняка форма жєно снабжена пометой Δ («грамматическая форма неизвестна») и знаком вопроса [ДНД$_2$: 738]; для ємошє, кажется, вообще не предлагалось никаких интерпретаций. Поскольку ожидать в середине грамоты, начало которой адресовано двум сборщикам податей, вокатива жєно совершенно невозможно, остается предположить, что перед нами род. мн. жєн<ъ> (грамота написана с абсолютно последовательным эффектом ъ → *о*). Для …ємошє едва ли не единственно возможной выглядит конъектура (воз)ємошє ‘взяв’. Форма родительного падежа свидетельствует о том, что перед (воз)ємошє стояло отри-

[14] В примере дѧ вєсти ми прикѧжи 271 (1360–1380) все же нет полной уверенности, что представляет собой форма вєсти — глагол или существительное [ДНД$_2$: 586, 717].

цание. Поскольку и причастие, и существительное стоят во мн. ч. (будучи в этом отношении «согласованы» друг с другом), можно думать, что в тексте письма в какой-то момент произошла нередкая для берестяных грамот смена количества подразумеваемых адресатов — ср., в частности, примеры в [Зализняк 2008: 42–43]. Третья строка грамоты обрывается на последовательности **нє лє**[**ж**]… с предполагаемым переводом ‘Не оставайтесь…’. Если утраченная правая часть грамоты не была очень велика, перед нами, скорее всего, начало и конец одного и того же распоряжения. В таком случае вместо двойственного числа **нє лє**[**ж**](**итѧ**) следует восстанавливать множественное, а для всей фразы в целом можно предложить следующую реконструкцию, как будто бы не содержащую противоречий и явных натяжек: **нє лє**[**ж**](**итє** … **ѧ идитє** … **нє воз**)**емошє женѹ** ‘Не оставайтесь <там-то>, а идите <туда-то>, не взявши жен’. К **нє лє**[**ж**](**итє** … **ѧ идитє** …) ср. … [**ѧ**] **самѹ тамѹ нє лєж**[**и і тъı**] **воспатѣ во лугѹ иди** 259/265 (1360–1380); не исключено, что в рассматриваемой грамоте в роли «<там-то>» и «<туда-то>» выступали просто *тамо* и *сѣмо*. К (**нє воз**)**емошє женѹ** ср. … **да иди сам**[**ъ въ**] **со**[**р**](**окѣ**) … (**съ жє**)**нам**[**и**] **и съ дѣтьми** 911 (1075–1100): очевидно, некоторые поручения предполагали, что их исполнители должны взять с собой семьи, а некоторые (например, очень срочные и/или секретные) — наоборот.

Ст. Р. 31 (1180–1200)

поклонѹ ѿ колєнєѹа ко самоуилє нє пєѹали селє ти єсємо коломєнє на лодию

На наш взгляд, в этой грамоте можно усматривать не невозвратный глагол *печалити*, а гаплографию **нє пєѹали селє** ← **нє пєѹали**<**ся**> **селє** (исходить из формы **пєѹали**<**сє**> с переходом ['a] > [e] в возвратной частице [ДНД$_2$: 74–75] едва ли возможно по соображениям хронологии).

Твер. 1 (1200–1220)

ѿ станимира поклонѹ ко михалоу ко домажиро
вицоу хоцєши возати половиноу коуно а пороуцєнє отєцєвє тво
ємоу по иванока нє хоцєши ли да а болє нє могоу водат(**и**)

Адресная формула этой грамоты уникальна для своего времени: все остальные грамоты, в которых адресат называется по имени-отчеству, относятся к концу XIV — первой половине XV в. (см. подробнее выше в связи с грамотой № 534). Не исключено, конечно, что тверской берестяной этикет в этом отношении отличался от новгородского. Но более вероятно, на наш взгляд, другое объяснение: титулование Михала Домажировича

полным именем напрямую связано с тем, что его отец фигурирует в тексте как ключевой участник тех денежных расчетов, которым посвящено письмо.

Надпись на костяном навершии (середина — вторая половина XII в.)

В 2024 г. на Троицком XVII раскопе было найдено костяное навершие плети с надписью **ⱀєⱀькиⱀє ⱃатѳгє**. А. А. Гиппиус переводит эту надпись как ‘матушкина плеть’, усматривая в ней свидетельство проникновения в Новгород лексемы *ненька*, известной в южнорусских говорах, а также в украинском [Гиппиус 2025: 11, сн. 3]. Однако прилагательное **ⱀєⱀькиⱀє**, возможно, означает здесь не ‘матушкин’, а ‘нянькин’. Самые ранние примеры перехода ['а] в [е] (или в [ѣ]) между мягкими согласными относятся к XII в. [ДНД$_2$: 74]. Но написание **ⱀєⱀькиⱀє** может быть не инновацией, а, напротив, уникальным архаизмом: «Не исключена возможность ассимиляции *ня́ня* из **нена*» [Фасмер 1986–1987, III: 94].

Словари

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–.

Фасмер 1986–1987 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.

Литература

Бачинский (в печати) — С. В. Бачинский. В поисках подлинного вопроса. О вопросительных конструкциях в берестяных грамотах (в печати).

Гиппиус 2003 — А. А. Гиппиус. Комментарий к берестяной грамоте № 226 // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Материалы международной конференции (Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г.). М.: Индрик, 2003. С. 45–56.

Гиппиус 2004 — А. А. Гиппиус. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // НГБ XI. С. 183–232.

Гиппиус 2019 — А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2018 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 47–71.

Гиппиус 2020 — А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 22–37.

Гиппиус 2022 — А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2021 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2022. № 6. С. 7–20.

Гиппиус 2023 — А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2022 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2023. № 5. С. 7–28.

Гиппиус 2024 — А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2023 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2024. № 4. С. 7–26.

Гиппиус 2025 — А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2024 г. I. Великий Новгород. Троицкий раскоп // Вопросы языкознания. 2025. № 4. С. 7–41.

Гиппиус, Зализняк 1998 — А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк. О надписях на Суздальском змеевике // Балто-славянские исследования 1997. М., Индрик, 1998. С. 540–562.

Гиппиус и др. 2017 — А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк, Е. В. Торопова. Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 7–24.

Гиппиус, Сичинава 2021 — А. А. Гиппиус, Д. В. Сичинава. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]: предварительная публикация // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2. С. 178–259.

ДНД$_2$ — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.

ИГДРЯ I — Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В. Б. Крысько. Т. 1. Множественное число именного склонения / С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2000.

Иткин (в печати) — И. Б. Иткин. Линейная позиция и просодический статус форм обращения в древнерусском языке: данные берестяных грамот (в печати).

Иткин, Коган 2006 — И. Б. Иткин, Ю. К. Коган. Окончание дательного падежа *-ови* в древненовгородском диалекте // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 204–212.

Крылов, Соколов (в печати) — Д. С. Крылов, М. А. Соколов. Перечитывая новгородскую берестяную грамоту № 141: куда отправились Гришка с Костою? (в печати).

Кучкин 1966 — В. А. Кучкин. О древнейших смоленских грамотах // История СССР. 1966. № 3. С. 103–114.

Кушнер 1998 — А. С. Кушнер. Здесь, на земле… // Иосиф Бродский: труды и дни / Ред.-сост. Петр Вайль и Лев Лосев. М.: Издательство Независимая Газета, 1998. С. 154–206.

НГБ III — А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1958.

НГБ IV — А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М.: Изд-во АН СССР, 1958.

НГБ VI — А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1963.

НГБ VII — А. В. Арциховский, В. Л. Янин. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М.: Наука, 1978.

НГБ VIII — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М.: Наука, 1986.

НГБ IX — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.: Наука, 1993.

НГБ X — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М.: Русские словари, 2000.

НГБ XI — В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к, А. А. Г и п п и у с. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М.: Русские словари, 2004.

НГБ XII — В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к, А. А. Г и п п и у с. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015.

Перцов 2001 — Н. В. П е р ц о в. Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001.

Петрухин 2013 — П. В. П е т р у х и н. О датировке списка А договора Смоленска с Ригой и Готским берегом // Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка. М.: Древлехранилище, 2013. С. 161–178.

Петрухин 2020 — П. В. П е т р у х и н. К переводу новгородской берестяной грамоты № 383 // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 23. Грамматические процессы и системы в диахронии. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка. 2020. С. 217–221.

Полехов, Крысько 2021 — С. В. П о л е х о в, В. Б. К р ы с ь к о. Жалованная грамота князя Владислава Опольского Даниле Дажбоговичу 1375 г. // Die Welt der Slaven. Bd. 66. № 1. 2021. С. 19–45.

Сичинава 2017 — Д. В. С и ч и н а в а. Письмо к Черту: один малоизвестный пример древнерусского плюсквамперфекта // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 219–228.

Сичинава 2020 — Д. В. С и ч и н а в а. Перечитывая плюсквамперфект: новый обзор корпуса примеров в берестяных грамотах // Русский язык в научном освещении. 2020. № 1. С. 136–171.

Сичинава 2023 — Д. В. С и ч и н а в а. Еще несколько поправок и комментариев к чтениям берестяных грамот // От сорочка к Олекше: Сборник статей к 60-летию А. А. Гиппиуса. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. С. 213–226.

Хелимский 1986 — Е. А. Х е л и м с к и й. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // НГБ VIII. С. 252–259.

Циммерлинг 2025 — А. В. Ц и м м е р л и н г. А воз и ныне-ка там: к истории частицы *-ка* в русском языке // Доклад на чтениях по случаю 90-летия со дня рождения А. А. Зализняка. Москва, 29 апреля 2025 г.

Статья получена 18.12.2025

Ilya B. Itkin

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science
National Research University — Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
ilya.borisovich.itkin@gmail.com

FROM COMMENTARIES TO THE TEXTS OF PREVIOUSLY PUBLISHED BIRCH BARK LETTERS

The article contains a number of corrections, clarifications, and other commentaries on several dozen birch bark letters from Veliky Novgorod, Smolensk, Staraya Russa, and Tver, as well as on an inscription on a bone pommel found in Novgorod in 2024. A brief methodological introduction discusses the admissibility of readings that assume slips of

the pen in the text of the letter, the advisability of returning to some interpretations proposed in the 1950s–1970s by the discoverer of the letters, A. V. Artsikhovsky, and the importance of independent readings of difficult passages by several researchers. The article shows, in particular, that fragments of letters No. 109, 1047, and 717, devoted to the search for someone important to the author, reveal exactly the same communicative structure; a new interpretation of the famous word form зорѡнами from letter No. 157 is discussed (not 'millstones', as proposed by A. A. Gippius, but 'grains'). For letter No. 950, we reconstruct the situation of an "indirect request" – the request addressed not to the addressee (probably the mother), but through the addressee to a third party (possibly the father); the final part of letter No. 354 has a similar structure. Certain issues of the structure of address formulas that have previously not attracted the attention of researchers are specially considered: the available material gives grounds to assert that addressing by the first name and patronymic is characteristic almost exclusively of petitions, while naming the addressee by both kinship and name (к бабѣ · к маръмыѧнѣ) became widespread only from the mid-14th century, with the kinship term always preceding the name.

Keywords: birch bark letters, Old Russian language, address formulas, slips of the pen, conjectures, A. V. Artsikhovsky.

References

Artsikhovskii, A. V. (1963). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1958–1961 gg.).* Moscow: Izd-vo AN SSSR.

Artsikhovskii, A. V. & Yanin, V. L. (1978). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1962–1976 gg.)*. Moscow: Nauka.

Bachinskii, S. V. (in print). *V poiskakh podlinnogo voprosa. O voprositel'nykh konstruktsiiakh v berestianykh gramotakh*.

Gippius, A. A. (2003). Kommentarii k berestyanoi gramote № 226. In *Berestyanye gramoty: 50 let otkrytiya i izucheniya. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii (Velikii Novgorod, 24–27 sentyabrya 2001 g.)* (pp. 45–56). Moscow: Indrik.

Gippius, A. A. (2004). K pragmatike i kommunikativnoi organizatsii berestianykh gramot. In *NGB XI* (pp. 183–232).

Gippius, A. A. (2019). Berestianye gramoty iz raskopok 2018 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe. *Voprosy yazykoznaniia, 4*, 47–71.

Gippius, A. A. (2020). Berestianye gramoty iz raskopok 2019 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe. *Voprosy yazykoznaniia, 5*, 22–37.

Gippius, A. A. (2022). Berestianye gramoty iz raskopok 2021 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe. *Voprosy yazykoznaniia, 6*, 7–20.

Gippius, A. A. (2023). Berestianye gramoty iz raskopok 2022 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe. *Voprosy yazykoznaniia, 5*, 7–28.

Gippius, A. A. (2024). Berestianye gramoty iz raskopok 2023 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe. *Voprosy yazykoznaniia, 4*, 7–26.

Gippius, A. A. (2025). Berestianye gramoty iz raskopok 2024 g. I. Velikii Novgorod. Troitskii raskop. *Voprosy yazykoznaniia, 4*, 7–41.

Gippius, A. A. & Sichinava, D. V. (2021). Popravki i zamechaniia k chteniiu ranee opublikovannykh berestianykh gramot [XIII]: predvaritel'naia publikatsiia. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii, 2*, 178–259.

Gippius, A. A. & Zaliznyak, A. A. (1998). O nadpisiakh na Suzdal'skom zmeevike. In *Balto-slavianskie issledovaniia 1997* (pp. 540–562). Moscow: Indrik.

Gippius, A. A., Zaliznyak, A. A. & Toropova, E. V. (2017). Berestianye gramoty iz raskopok 2016 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe. *Voprosy iazykoznaniia, 4*, 7–24.

Iordanidi, S. I. & Krys'ko, V. B. (Eds.). (2000). *Istoricheskaia grammatika drevnerusskogo iazyka. Vol. 1. Mnozhestvennoe chislo imennogo sklonenиia*. Moscow: Azbukovnik.

Itkin, I. B. (v pechati). Lineinaia pozitsiia i prosodicheskii status form obrashcheniia v drevnerusskom iazyke: dannye berestianykh gramot.

Itkin, I. B. & Kogan, Yu. K. (2006). Okonchanie datel'nogo padezha -ovi v drevnenovgorodskom dialekte. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, *2 (12)*, 204–212.

Khelimskii, E. A. (1986). O pribaltiisko-finskom iazykovom materiale v novgorodskikh berestianykh gramotakh. In Yanin, V. L. & Zaliznyak, A. A. (Eds.). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)* (pp. 252–259). Moscow: Nauka. (NGB VIII)

Krylov, D. S. & Sokolov, M. A. (in print). Perechityvaia novgorodskuiu berestyanuiu gramotu № 141: kuda otpravilis' Grishka s Kostoyu?

Kuchkin, V. A. (1966). O drevneishikh smolenskikh gramotakh. *Istoriya SSSR*, 3, 103–114.

Kushner, A. S. (1998). Zdes', na zemle… In Petr Vail' & Lev Losev (Eds.). *Iosif Brodskii: trudy i dni* (pp. 154–206). Moscow: Izdatel'stvo Nezavisimaya Gazeta.

Pertsov, N. V. (2001). *Invarianty v russkom slovoizmenenii*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.

Petrukhin, P. V. (2013). O datirovke spiska A dogovora Smolenska s Rigoi i Gotskim beregom. In *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo literaturnogo iazyka* (pp. 161–178). Moscow: Drevlekhranilishche.

Petrukhin, P. V. (2020). K perevodu novgorodskoi berestianoi gramoty No. 383. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*, *23 (Grammaticheskie protsessy i sistemy v diakhronii)*, 217–221.

Polekhov, S. V. & Krys'ko, V. B. (2021). Zhalovannaia gramota kniazia Vladislava Opol'skogo Danile Dazhbogovichu 1375 g. *Die Welt der Slaven, 66 (1)*, 19–45.

Sichinava, D. V. (2017). Pis'mo k Chertu: odin maloizvestnyi primer drevnerusskogo pliuskvamperfekta. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii, 2 (34)*, 219–228.

Sichinava, D. V. (2020). Perechityvaya pliuskvamperfekt: novyi obzor korpusa primerov v berestianykh gramotakh. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii, 1*, 136–171.

Sichinava, D. V. (2023). Eshche neskol'ko popravok i kommentariev k chteniyam berestшanykh gramot. In *Ot sorochka k Olekshe: Sbornik statei k 60-letiyu A. A. Gippiusa* (pp. 213–226). Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS.

Tsimmerling, A. V. (2025). A voz i nyne-ka tam: k istorii chastitsy *-ka* v russkom iazyke. Paper presented at *Chteniya po sluchayu 90-letiya so dnya rozhdeniya A. A. Zaliznyaka*, Moscow, 29 April.

Yanin, V. L. & Zaliznyak, A. A. (1986). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.). Kommentarii i slovoukazatel' k berestianym gramotam (iz raskopok 1951–1983 gg.)*. Moscow: Nauka.

Yanin, V. L. & Zaliznyak, A. A. (1993). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.)*. Moscow: Nauka.

Yanin, V. L. & Zaliznyak, A. A. (2000). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.). Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie*. Moscow: Russkie slovari.

Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A. & Gippius, A. A. (2004). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.)*. Moscow: Russkie slovari.

Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A. & Gippius, A. A. (2015). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt. Vtoroe izdanie, pererabotannoe s uchetom materiala nakhodok 1995–2003 gg.* Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Zaliznyak, A. A. (2008). *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Received on December 18, 2025